

Узницы ГУЛАГа: поэзия как форма сопротивления

«Расплющило и в грязь вдавило
Меня тупое колесо...»

Составительницы Евгения Дерябина, Ани Петрс-Барцумиан —
проект @fem_ru_lit

При поддержке Феминистского Антивоенного Сопротивления

Предисловие составительниц

В прошлом 2022 году к 30 октября — Дню памяти жертв политических репрессий — мы начали собирать стихи узниц ГУЛАГа. Отбирали 10-ти стихов, чтобы разместить в карусели Инстаграма. Но быстро поняли, что стихи не укладываются в такой формат. Поэтессы и их голоса сразу зазвучали большим многоголосьем тем и спецификой мотивов, отделяясь от гражданской лирики предшествующей русской культуры.

Материал разрастался, и в финальную подборку собралось 139 стихотворений, сгруппированных тематически: вместе с поэтессами мы, читающие, проходим от ареста до освобождения...

Но и это еще далеко не всё: мы продолжим работу над сборником, пока не будем уверены, что «выслушали» все свидетельства тех лет.

Может, некоторые из стихотворений покажутся кому-то наивными и недостаточно высокохудожественными, но должны ли стихи о таком опыте быть «хорошими»? Что такое «хорошие» стихи о ГУЛАГе?

Наверное, из всех строк сборника чаще всего мы твердим про себя эти:

*Расплющило и в грязь вдавило
Меня тупое колесо...
Сидеть бы в кабаке унылом
Алкоголичкой Пикассо.*

Читать стихи о лагерной жизни — это, безусловно, слёзное дело. Возможно, это будет ваш читательский подвиг.

*Евгения Дерябина
Ани Петрс-Барцумиан
@fem_ru_lit — о женщинах в русской литературе*

Предисловие Феминистского Антивоенного Сопротивления

Истории женщин ГУЛАГа заслуживают того, чтобы быть рассказанными. Эти стихи — мост в прошлое, позволяющий нам почтить память тех, кто пережил страх и унижение, но не потерял человечность. Они — героини, о которых стоит помнить и чьи истории вдохновляют на борьбу за свободу, справедливость и человеческое достоинство.

Мы посвящаем этот сборник российским женщинам, уголовно преследуемым сегодня за свои антивоенные действия, высказывания и взгляды, сидящим в СИЗО и тюрьмах. Активисткам, переживающим обыски и пытки, сталкивающимся с насилием за антивоенную агитацию и за помощь украинкам. Это не только активистки нашего движения — это тысячи историй сопротивления диктатуре. Мы посвящаем этот сборник Марии Пономаренко, Саше Скочиленко, Наталье Филоновой, Татьяне Савинкиной, Марине Новиковой, Виктории Петровой, Маше Москалёвой и всем, кого мы сегодня не имеем возможности назвать из соображений безопасности.

Пусть эти стихи проливают свет на прошлое и поддерживают в нас надежду на более справедливое будущее.

Лилия Вежеватова
Феминистское Антивоенное Сопротивление

Оглавление

Пыль оседала на губах: жизнь до	2
Звезды ходят вслед за мной кругообразно: обыск, арест, путь на этап	9
Жизнь в лагере	31
Выхоленный пес на шелудивую не глянет суку: отношения с системой	28
Маленький Эрос с подбитым крылом: отношения между заключенными	49
И наступит твое окончание: отношения с самой собой	56
За битого небитых двух дают: смерть тирана	76
Память, трепет, пепел – не забудь: жизнь после	79
О поэтессах-узницах	93

Пыль оседала на губах: жизнь до

Подборка стихотворений о жизни до ареста и лагерей. Одни уже понимают, что «как в бездну» падают люди вокруг. Другие мечутся в поисках информации о тех, кого вырвали из привычного и увели «поговорить». Одни молчат. Другие беззвучно кричат, сходят с ума, потому что не в силах вынести того, что правда из газеты «Правда» не совпадает с окружающей действительностью. Кругом страх и немота. Но люди продолжают писать стихи. В тех условиях стихи – как почти единственная форма борьбы.

За три года до первого из трех арестов поэтесса Анна Баркова написала стихотворение «РИФМЫ»:

«Печален», «идеален», «спален» –
Мусолил всяк до тошноты.
Теперь мы звучной рифмой «Сталин»
Зажмем критические рты.

С уныньем тихим рифмовали
Мы с жалким «дымом» жаркий «Крым».
Найдется лучшая едва ли,
Чем рифма новая «Нарым»¹.

А «слезы», «грезы», «розы», «грозы»
Редактор мрачно изгонял.
Теперь за «слезы» и «колхозы»
Заплатит нам любой журнал.

С воздушной пленницей «клетку»
Давно швырнули мы за дверь.
Но эту «клетку» «пятилетка»
Вновь возвратила нам теперь.

А величавый мощный «трактор»
Созвучьями изъездим в лоск.
«Контракта», «пакта», «акта», «факта».
Буквально лопается мозг.

Что было признано опальным
Вновь над стихом имеет власть.
Конечно, новая банальность
На месте старой завелась.

«Дурак-то»... Ну, положим, плохо,
Но можно на худой конец.
А «плохо» подойдет к «эпоха»,
К «концу», конечно, слово «спец».

«Класс» – «нас», «Советы» – «без просвета» –
Сама собой чертит рука.
И трудно, например, поэтам
Избегнуть: «кулака» – «ЦК».

Анна Баркова, 1931 г.

Стихотворение Барковой и об советском новоязе – «от лозунгов и названий пятилеток до канцелярита, от идеологической лексики до сложных синтаксических конструкций, от обращений «товарищ» и «гражданин» до аббревиатур»², и о цензуре и редактуре, которая нещадно перекраивала тексты и смыслы, и о фигуре Сталина, которая проглядывает через весь текст стихотворения. Баркова предугадывает размах будущего культа Сталина строчкой о том, что все рифмы вытесняет новая – *Нарым*. Ведь только спустя 17 лет, 27 июля 1948, в Нарыме будет открыт музей вождя с пятиметровой гипсовой скульптурой в полный рост – апофеоз монументального культа личности.

¹ Нарымская ссылка – политическая ссылка в царской России в Томской губернии. Началась как место ссылки некоторых декабристов, массовая высылка в Нарымский край – после Февральской Революции. Иосиф Джугашвили (Сталин) был выслан в 1912 на 3 года в Нарымский край, откуда спустя 41 день сбежал.

² Кронгауз М. Краткий курс новояза. Вопросы литературы, 2015.

Тем же 31-м г., что и стих Барковой, датировано вступление к поэме «РЕКВИЕМ» Анны Ахматовой³:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.⁴

Ахматова начала писать «Реквием» в очереди и попросила «здесь, где стояла я триста часов, и где для меня не открыли засов» установить памятник. Ее воля была исполнена в 2006 г.

Ахматова пишет эти строчки, но держит их в тайне, всего у 11 близких друзей в умах. Одной из подруг является писательница и поэтесса Лидия Чуковская, с которой Ахматова стояла в бесконечных очередях к тюрьмам.

Несколько стихотворений Чуковской есть в подборке, хотя она не узница ГУЛАГа: репрессирован и почти тут же был расстрелян её муж. которому она будет посвящать стихи. Чуковская – вместе со всей ждущей возвращения близких страной – узнала о том, что ждать давно было некого только спустя десятилетие, в середине 50-х.

Нева, проплаканные ночи, твоя гробница, которой лирическая героиня в поисках ответов *глядит в очи* – эти образы из стихотворения ниже Чуковская превратит в повесть «Софья Петровна», почти единственный известный нам текст о Большом терроре, написанный непосредственно в года событий о благополучной советской семье – матери и сыне; оба – правоверные советские граждане, трудящиеся во благо отечества и товарища Сталина. Приближается праздник: наступает новый, 1937 г. и всё меняется. «Повесть о тридцать седьмом годе, написанной зимою тридцать девятого-сорокового, непосредственно после двухлетнего стояния в тюремных очередях». «В своей повести я попыталась изобразить такую степень отравления общества ложью, какая может сравниться только с отравлением армии ядовитыми газами»⁵.

³ Анна Ахматова не является узницей ГУЛАГа, первого мужа поэтессы, поэта Николая Гумилева, арестовали в 1921 году, а затем расстреляли по обвинению в причастности к контрреволюционному заговору. Сын – Лев Гумилев – в период с 1933 г. по 1949 г. четырежды был арестован. Срок отбывал в Казахстане, на Алтае и в Сибири.

⁴ Воронок (также ворон, чёрный ворон, черная Маруся) – жаргонное слово, 1) Автомобиль для перевозки арестованных 2) Правительственный автомобиль или автомобиль высокопоставленного государственного служащего.

⁵ Чуковская Л. Процесс исключения. М., 1990.

М.⁶

Консервы на углу давали.
Мальчишки путались в ногах.
Неправду рупоры орали.
Пыль оседала на губах.
Я шла к Неве припомнить ночи,
Проплаканные у реки.
Твоей гробнице глянуть в очи,
Измерить глубину тоски.
О, как сегодня глубока
Моя река, моя тоска!...
Нева! Скажи в конце концов,
Куда ты дела мертвецов?

Лидия Чуковская, 1939 г.

Л. С.⁷

Сегодня разрыто все,
и кровь по камням течет.
Я вижу твое лицо
и кляпом забитый рот.
До самой минуты той
ты верил: – Не может быть!
Не может Советский строй
позволить тебя убить.
Я вижу тебя в тюрьме
и тех, кто с тобой убит.
И рана твоя во мне
и ночью и днем горит.
Для этого нету слов.
И жизнь мала, чтоб забыть
рисунок тех мертвых ртов,
кричащих: «Не может быть!»

Елена Владимировна, неизвестно

⁶ Стихи, посвященные «М.», – мужу, расстрелянному в 1937 г. – физику Матвею Бронштейна.

⁷ Стихи, посвященные «Л. С.», – мужу, расстрелянному в 1938 г. – журналисту Леониду Сыркину. После этого Владимирову арестовали как жену врага народа. В камере тюрьмы она написала первые стихи.

А попытках осмыслить происходящее в стране и поисках ответов на многочисленные вопросы поэтессы через ряд метафор обращаются к миру прошлого: мифам, фольклору, царской России.

Горькой ягоды рябины
Круто кисти созревают.
Чья-то кровь падет безвинно?
Что судьба уготовляет?
Ходит благодная осень,
В желтых листьях солнца много.
Страхом наши души косит
Непонятная тревога:
Не углом летели гуси –
Лавой серые летели...
Смерть, как яблоко, раскусит
Мир, что мы недоглядели.

Нина Гаген-Торн, неизвестно

Накричали мы все немало
Восхвалений борьбе и труду⁸.
Слишком долго пламя пылало,
Не глотнуть ли немножко льду?
Не достигнули сами цели
И мешаем дойти другим.
Всё горели. И вот – сгорели,
Превратились в пепел и дым.
Безрассудно любя свободу,
Воспитали мы рабский род,
Наготовили хлеба и меду
Для грядущих умных господ.
Народится новая каста,
Беспощадная, словно рок.
Запоздалая трезвость, здравствуй,
Мы простерты у вражеских ног.

Анна Баркова, 11 мая 1931 г.

⁸ *Восхвалений ... труду* – идея Феликса Дзержинского о том, что лагеря – это «школа труда», где происходит «перековка» правонарушителей в работников для новой советской системы.

Стихотворение Марины Цветаевой⁹, написанное в Савойе в 1930-м, описывает реалии тех лет:

Советским вельможей,
При полном Синоде...
– Здорово, Сережа!
– Здорово, Володя!
Умаялся? – Малость.
– По общим? – По личным.
– Стрелялось? – Привычно.
– Горелось? – Отлично.
– Так стало быть пожил?
– Пасс в некотором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!
А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище – меня-то
Обкладывал? – Ладно
Уж... – Вот-те и шлюпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
– Хужей из-за водки.
Опухшая рожа.
С тех пор и на взводе?
Негоже, Сережа.
– Негоже, Володя.
А впрочем – не бритва –
Сработано чисто.
Так стало быть бита
Картишка? – Сочится.
– Приложь подорожник.
– Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя.
А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эсэсэсере
Что нового? – Строят.
Родители – родят,
Вредители – точут,
Издатели – водят,
Писатели – строчут.

Мост новый заложен,
Да смывает половодьем.
Все то же, Сережа!
– Все то же, Володя. А певчая стая?
– Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас как у мертвых
Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.
Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя!
Еще тебе кланяется...
– А что добрый
Наш Льсан Алексаньч?
– Вон – ангелом! – Федор
Кузьмич? – На канале:
По красные щеки
Пошел. – Гумилев Николай?
– На Востоке.
(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
– Все то же, Сережа.
– Все то же, Володя.
А коли все то же,
Володя, мил-друг мой –
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук – и –
Нет.
– Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и это
Подложим гранату!
И на растворенном
Нами Восходе –
Заложим, Сережа!
– Заложим, Володя!

⁹ Марины Цветаевой не является узницей ГУЛАГа, в лагерях была её сестра, Анастасия Цветаева, стихи которой представлены в сборнике.

На собранье целый день сидела –
то голосовала, то лгала...
Как я от тоски не поседела?
Как я от стыда не померла?..
Долго с улицы не уходила –
только там сама собой была.
В подворотне – с дворником курила,
водку в забегаловке пила...
В той шарашке двое инвалидов
(в сорок третьем брали Красный Бор)
рассказали о своих обидах, –
вот – был интересный разговор!
Мы припомнили между собою,
старый пепел в сердце шевеля:
штрафники идут в разведку боем –
прямо через минные поля!..
Кто-нибудь вернется награжденный,
остальные лягут здесь – тихи,
искупая кровью забубенной
все свои небывшие грехи!
И соображая еле-еле,
я сказала в гневе, во хмелю:
«Как мне наши праведники надоели,
как я наших грешников люблю!»

Ольга Берггольц¹⁰, 1949 г.

СИМВОЛИКА

Железным колом бытие расколото.
И сброд страну правит, и разброд.
Союз народы жнет серпом...
И молотом по головам всех без разбору бьет.

Леся Белоруска, Мылга, 1947 г.

¹⁰ Ольга Берггольц не жертва ГУЛАГа, но она абсолютно точно жертва режима. Советуем к прочтению книгу Громовой Н. «Ольга Берггольц. Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы», 2020. Книга историка литературы основана на дневниках и документальных материалах из личного архива Берггольц. Это не только история «блокадной мадонны», но и рассказ о мучительном пути освобождения советского поэта от иллюзий.

Мы никогда не спрашивали, услышав про очередной арест: «За что его взяли?», но таких, как мы, было немного. Обезумевшие от страха люди задавали друг другу этот вопрос для чистого самоутешения: людей берут за что-то, значит, меня не возьмут, потому что не за что! Они изоцрялись, придумывая причины и оправдания для каждого ареста, – «Она ведь действительно контрабандистка», «Он такое себе позволял», «Я сам слышал, как он сказал...». И еще: «Надо было этого ожидать – у него такой ужасный характер», «Мне всегда казалось, что с ним что-то не в порядке», «Это совершенно чужой человек». <...> Вот почему вопрос «За что его взяли?» – стал для нас запретным. «За что?» – яростно кричала Анна Андреевна (Ахматова – прим. автора), когда кто-нибудь из своих, заразившись общим стилем, задавал этот вопрос. – «Как за что? Пора понять, что людей берут ни за что...»¹¹

...Страна спешила. Тень войны
над нею медленно густела...
И не была ль причина в том?
Страна боялась и спешила,
а людям трудно, трудно было
одолевать такой подъем,
и к отстающим с каждым днем
все больше применялась сила.
Сильнее побуждений всех
страх заползал в сознание власти,
страх отставанья, несогласья,
страх неожиданных помех,
а наконец, и страх народа.
Отсюда поиски врагов.

...Или, чтоб стать непогрешимым,
кой-кто надумал объявить
изъяны все работой мнимых
врагов, пытавшихся вредить?
Опять не то..., не может быть...
Иль зарубежная разведка
огромный сделала подкоп
и била – густо, точно, метко
своих врагов, в их доме, в лоб?!
...А может быть, для поворотов,
каких еще не угадать,
сметал с пути могучий кто-то
тех, кто бы мог ему мешать?
Таких, как он, Матвей?...

Елена Владимировна, отрывок из поэмы «Колыма»

Днем они все подобны пороху,
А ночью тихи, как мыши.
Они прислушиваются к каждому шороху,
Который откуда-то слышен.
Там, на лестнице... Боже! Кто это?
Звонок... К кому? Не ко мне ли?
А сердце-то ноет, а сердце ноет-то!
А с совестью – канители!
Вспоминается каждый мелкий поступок,
Боже мой! Не за это ли?
С таким подозрительным – как это глупо! –
Пил водку и ел котлеты!
Утром встают. Под глазами отеки.
Но страх ушел вместе с ночью.
И песню свистят о стране широкой,
Где так вольно дышит... и прочее.

¹¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1999.

Анна Баркова, 1954 г.

Стих, написанный ученицей десятого класса московской школы в защиту арестованного учителя истории. Вариант стихотворения хранится в архиве Лубянки как обвинительный документ по статье 58-й для самой Лены Соболев:

ДЕСЯТЫЙ КЛАСС

Десятый класс. Огонь горит. Держась за спинку стула,
учитель лысый и сутулый о диктатуре говорит.
И если б он ещё полслова добавил в свой урок –
в ком есть хоть грамм чего святого – за партой усидеть не смог:
за ним пошли бы в омут, петлю, но вот... пустой урок,
а на другой приходит к детям новейший педагог.
Я в кабинете – свет горит. Вопрос. Ответ. Вопрос.
Мне кто-то сутки говорит о нём – идёт допрос.
Отречься мне от этих дней – долой Иуды гнусь.
От этих дней, больших огней я век не отрекусь.

У диктатуры вид кровав: зрачки – и те в крови:
– Каких свобод? Каких там прав? Забудь стихи, порви.
И я смотрю в зрачки, в их тьму, а в них я стар и сед,
в них вижу лагерь и тюрьму, но дальше – яркий свет.
Десятый класс. Огонь горит. Держась рукой за спинку стула,
учитель лысый и сутулый: – Не бойся! – говорит.

Елена Соболев, неизвестно

НЕНАВИСТЬ К ДРУГУ

Болен всепрощающим недугом
Человеческий усталый род,
Эта книга – раскаленный уголь,
Каждый обожжется, кто прочтет
Больше чем с врагом, бороться с другом
Исторический велит закон,
Тот преступник, кто любви недугом
В наши дни чрезмерно отягчен.
Он идет запутанной дорогой
И от солнца прячется, как вор.
Ведь любовь прощает слишком много:
И отступничество, и позор.
Наша цель пусть будет нам дороже
Матерей, и братьев, и отцов.

Ведь придется выстрелить, быть может,
В самое любимое лицо.
Не легка за правый суд расплата, -
Леденеют сердце и уста.
Нежности могучей и проклятой
Не обременяет тягота.
Ненависть ясна и откровенна,
Ненависть направлена к врагу,
Но любовь – прощает все измены,
Но любовь – мучительный недуг.
Эта книга – раскаленный уголь.
(Видишь грудь отверстую мою?)
Мы во имя шлем на плаху друга,
Истребляем дом свой и семью.

Анна Баркова, 1927 г.

Звезды ходят вслед за мной кругообразно: обыск, арест, путь на этап

Сколько? Мы несколько дней искали ответ на этот вопрос. У нас получилось – от 1 400 000 до 3 400 000 политзаключенных женщин ГУЛАГа и отправленных в ссылку на спецпоселения. Вот такой разброс. Потому что нет всеми принятой статистики по ГУЛАГу, это дискуссионный вопрос. А статистика по женщинам-заключённым есть только за некоторые периоды существования лагерей.

Например, 26-я точка Карлага¹² – АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников Родины. Лагерь существовал с 1938 г., в начале 1950 АЛЖИР был ликвидирован, однако вплоть до реабилитации в 1958 осуждённые не имели права возвращаться на прежнее место жительства. Свыше 18 тыс. женщин прошли этапом, из другого источника – около 20 тыс., а около 8 тысяч женщин отбывали срок от звонка до звонка в АЛЖИРе. Точное количество до сих пор не определено. И в эту статистику не попадали те, кто умерла в стенах лагеря.

Какие ещё есть цифры? На сайте Сахаровского центра¹³ 1054 – мы подсчитали – женских воспоминаний о ГУЛАГе. Мы знаем 60 поэтесс-жертв режима и их стихи.

У нас только крохи от жизней и текстов, а ведь таких рассказов от полутора до трёх с половиной миллионов. И у каждой своя, особенная история и ареста, и пребывания в тюрьме, и этапа, и лагерной жизни или жизни в спецпоселении. Мы выбрали для вас всего один небольшой кусочек воспоминаний об аресте и допросах совсем неизвестной, партийной Елены Сидоркиной¹⁴:

Время было тревожное. <...> Люди исчезали каждый день, и никто не мог предположить, чей черёд настанет завтра. <...> Все шёпотком только и говорили, что вчера взяли того-то, а сегодня – того-то. <...> Никто не был уверен в завтрашнем дне. Боялись друг с другом говорить и встречаться, особенно с теми семьями, где отец или мать были «изолированы». А уж выступить с защитой арестованного вообще редко кто отваживался. Если же и находился такой смельчак, тут же сам становился кандидатом на «изоляция».

8 октября 1937 года пришла моя очередь. Вечером того дня состоялось заседание бюро обкома ВКП(б), на котором среди многих других вопросов обсуждался и «мой». Накануне я всю ночь писала объяснение, напрочь отвергая обвинения в связи с буржуазно-националистической организацией. <...> Заседание бюро закончилось поздно ночью. Я брела по темной улице, не выбирая дороги. Зашла в типографию, сказала метранпажу и дежурному редактору, чтобы сняли мою подпись из газеты, а взамен поставили подпись вновь назначенного редактора – Исакова (который, кстати, впоследствии тоже был посажен; не пощадили даже его беременную жену – с ней мы встретились в тюрьме). <...> Огни в городе были погашены. <...> Я прошла в спальню, ничего не сказав мужу, только достала из кармана партбилет и показала ему. Он понял, что в партии меня оставили, и значит, все в порядке.

После всех тревожений было уже не до сна, и утром поднялась с постели опустошённой. Не знала, что меня ждёт впереди. Куда пойти? Кому сказать? С кем поделиться?

Пошла в редакцию, сдала дела новому редактору, ознакомила его с работой и попрощалась. Я и потом иногда заходила сюда, но многие сторонились меня, боялись даже разговаривать, и чувствовала я себя тут чужой. Оформили мне месячный отпуск, выдали отпускные. Сидела дома, никуда не выходя. <...> Сняли с работы и исключили из партии моего мужа, Дмитрия Петровича Васильева. Он был заместителем управляющего Госбанком, членом ВКП(б) с 1926 года. Теперь мы оба оказались не у дел. Никто нас никуда не вызывал, никакой работы не предлагал, никому мы были не нужны. <...>

¹² Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь) – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей СССР в 1930-1959 годах, был расположен в Карагандинской области в Казахстане.

¹³ <https://www.sakharov-center.ru/>

¹⁴ Сидоркина Е. Е. Годы под конвоем // Доднесь тяготеет. Записки вашей современницы. М., 1989.

На следующий день (спустя семь недель после заседания – прим. автора) утром дочь ушла в школу, и мы с мужем снова остались одни. Сходила в магазин, купила, помню, пеклеванного хлеба, маринованных белых грибов и стала готовить обед на плите. Около часу дня в дверь постучали. То был следователь НКВД Ухов. Он сказал, что меня просит зайти нарком Карачаров.

Попросила его немного обождать, пока оденусь, прошла в зал и сказала мужу, что за мной пришли из НКВД. Он стоял у стола, собирал какие-то бумаги. Они выпали у него из рук и веером рассыпались на полу. Я постаралась успокоить его, сказала, что раз я не виновна, то должны во всем разобраться, ничего страшного в этом вызове нет. Он мне в ответ: «Лена, счастье мы делили и горе разделим поровну. Будем надеяться, что это – недоразумение».

Потом я прошла в спальню. Взяла в руки револьвер (оружие мне выдали после того, как однажды вечером напал на меня с угрозами человек, которого мы покритиковали в газете). Теперь я держала револьвер в руках и думала: пустить пулю в лоб – и конец моим переживаниям... Но я же ни в чем не виновата, не совершила ничего противозаконного. Удержала от этого рокового шага и мысль о муже, о единственной дочке: зачем им-то причинять лишнее горе? К тому же к ним могут придаться: мол, раз она застрелилась, значит, чувствовала за собой вину. Я положила револьвер на место, а патроны спрятала подальше, чтобы муж их не нашел. Надела пальто, взяла партбилет, паспорт, немного денег и вышла к ожидавшему меня Ухову. Дочку я так и не увидела – она не пришла ещё из школы. Марусе (домработница – прим. автора) сказала: «Скоро приду...»

С этим и ушла из дома, ушла на долгих 18 лет. С мужем мы так больше никогда и не встретились.

<...> Я вышла из дома, не уронив ни слезинки. Теплилась в душе надежда: поговорит со мной нарком и отпустит. Ведь знает же он меня по работе. Мы оба были членами бюро обкома... Шли с Уховым по улице Советской, мирно разговаривая о дочке, о муже (он спрашивал о них). Он ввел меня в здание НКВД, усадил в комнату Гилева – заведующего одним из отделов, и ушёл. Никто меня не допрашивал, никто со мной не разговаривал. На вопросы, где же нарком и почему он не вызывает меня, если просил к нему зайти, Гилев отвечал успокаивающе: нарком вот-вот подойдет и вызовет.

Через полтора или два часа меня пригласил к себе следователь Крылов. Вежливо усадил на стул против себя, развернул лежавший перед ним лист бумаги и так же вежливо проговорил: «Хочу сообщить, что вы, Елена Емельяновна, арестованы...»

От этих слов мне стало не по себе. Из глаз невольной брызнули слёзы. Я только и спросила: «За что?» И услышала в ответ: «За принадлежность к контрреволюционной буржуазно-националистической организации». Собравшись с мыслями, решила: надо бороться. Иначе такое напридумывают... Тут же заявила, что не признаю себя виновной. А следователь, словно не слыша, сказал: «Выкладывайте партбилет и паспорт». Я ему в ответ: «Не НКВД принимал меня в партию, и не НКВД меня исключать».

Крылов позвонил кому-то. Часа через полтора явился Гилев с постановлением об исключении меня из партии. Пришлось подчиниться и отдать ему партийный билет.

А потом начались допросы. Они продолжались трое суток, непрерывно днем и ночью. Вставать и ходить не разрешалось, спать – тем более. Следователи менялись через каждые пять-шесть часов. И каждый требовал признания в контрреволюционной деятельности. Я всё отрицала, говорила, что никакую контрреволюционную деятельность нигде и никогда не вела, даже в уме такое не держала. А они твердили свое: «Все враги народа так говорят». <...>

Казалось, всему этому не будет конца. Я была измотана до предела. Хотелось спать. Глаза закрывались сами собой. Но тут же следовала команда: «Встать, сесть, встать, сесть!» И опять – одно и то же. Все следователи уже казались на одно лицо, ни имен, ни фамилий их я не помню, кроме Крылова и Метрехина – эти основные как будто были.

Иногда предлагали поесть – приносили хлеб, баланду и чай. Но я ничего в рот не брала: не могла есть. Да и очень уж издевательски угощали они меня баландой, а сами в это время распивали чай с лимоном, какао с белым хлебом. Демонстративно поковыряются в своей тарелке и отставляют ее в сторону, а меня с эдакой ухмылкой вопрошают: «Что же это вы, Елена Емельяновна, ничего не кушаете?»

За трое суток они довели меня своими допросами до бессознательного состояния. Не помню, как и что я им подписала, но, видимо, что-то всё же подписала. До сих пор не знаю, что именно.

До ареста, до этих изнуряющих допросов я благоговела перед органами НКВД, всегда считала их правой рукой нашей партии, верным стражем революции. Но глядя на мучивших меня следователей, я думала, что попала в руки фашистских извергов. Было обидно, что такие люди

живут, работают и называются советскими следователями, а на самом деле только дискредитируют Советскую власть и подрывают ее авторитет. Даже с явными врагами Советской власти так не должны были поступать. <...>

Через трое суток, 30 ноября, меня привели в камеру внутренней тюрьмы. Сначала обыскивал дежурный Симонов, а затем следователи, предложив раздеться, перетряхнули одежду, изъяли все содержимое карманов. А при себе у меня были деньги – 150 рублей, ридикюльчик – подарок с краевой партконференции, золотой перстень – подарок дяди, и наручные часы. Взяли всё и никаких следов не оставили, в деле не значились ни деньги, ни вещи. Значит, даже дежурные в тюрьмах позволяли себе присваивать отобранное у арестованных. Это – лишнее свидетельство того произвола, который царил в органах НКВД. Никто тут, думается, не отвечал за него ни перед партией, ни перед законом...

На всю жизнь запомнился и такой случай. Со мной в одной камере сидела наша ведущая артистка из марийской труппы Настя Филиппова. Как-то, вернувшись после допроса, она горько разрыдалась. Рассказала, что была в кабинете у наркома Карачарова, он ей предложил: «Согласишься со мной жить – освобожу тебя». Закрыв дверь на ключ, подошел к ней вплотную, начал лапать. Настя стала его стыдить: как же он, нарком, коммунист, позволяет себе издеваться над заключённой? Предупредила, что будет кричать, пусть знают, какой он подлец, и ударила его по щеке. Тогда Карачаров открыл дверь и вытолкнул её из кабинета, сказав своему секретарю: «Уберите».

В тот же вечер Настю вызвали из камеры с вещами, и больше я её не видела. После перевода в общую тюрьму спрашивала многих, но никто её там не встречал. Так заматали они свои следы.

...Меня втолкнули в камеру, и дверь с лязгом захлопнулась. Первое, что бросилось в глаза, – зарешечённое окно. Сердце ёкнуло, будто подсказало: отсюда уже не вырваться на волю, и ты навсегда отрезана от семьи, от прежней жизни.

Стихотворением белорусской поэтессы Ларисы Гениуш «Тишина» начинаем этот раздел.

Им, что безвременно ушли из жизни, – великомученицам-лагерницам
Павлине Мельниковой, Ляле Кларк,
Асе Гудзь – с душевной болью и любовью посвящаю

Над заснеженной долиной – тишина.
А в глубинах этой горестной земли
чьи-то дочери родные, как одна,
замордованы неволей, полегли.
Тишина... И только голос не затих
этих мучениц страдальницы-земли.
И немецкие овчарки рвали их,
и свои же, в униформе, кобели.
В дом нагрянула беда в глухой ночи.
Крик ребячий: «Мама, мамочка, куда?!»
Обещала: «Я вернусь, ты не кричи...» –
и не знала, что уходит навсегда.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спит малыш в раю домашнем,
к стеночке бочком.
Зашуршали поздней ночью
шины под окном.
Громко входит в дом
НКВД..
Это значит – в доме быть беде.

Светлана Шилова, неизвестно

ШМОН

Чужие пальцы касаются домашних вещей,
Равнодушные глаза пялятся
На фотографии твоих детей.
Не дрожи, непослушное тело.
Господи, пронеси мимо!
В штанах спрятаны неумело
Письма твоей любимой
Это первые годы. Потом ты уже можешь
Думать, хитрить, смеяться,
Твои драгоценности –
Чернильный карандаш и ножик –
Спрятаны надёжно, нипочём не догадаться.
А в последние годы тебе всё равно,
Ты привык давно
К мордам ищеек,
Чёрт с ними, пусть...
Нет у тебя ни любимых вещей,
Ни сильных чувств.

Анна Баркова, 10 мая 1931 г.

Два стихотворения Юлии Панышевой о заключении в московской Лефортовской тюрьме:

Замкнулась камера Лефортовской темницы.
Застыв от ужаса, стою.
Исчезло всё, друзей потухли лица,
И я одна у жизни на краю.
И некуда кричать, и некому поверить
На части сердце рвущую тоску...
Молчанье серых стен, глазок железной двери
Да неба зарешёченный лоскут.

Прогулка в Лефортовской тюрьме
Хожу кругами под луной,
Как зверь в вольере.
На вышке стынет часовой...
А что луна над головой –
Глаза не верят.
И Млечный путь седой-седой
Растекся плазмой.
Притих в тревоге шар земной,
Лишь звёзды ходят вслед за мной
Кругообразно.
Иль злой завещано судьбой
В жару и выюгу
Всю жизнь моей душе живой
В проклятой клетке роковой
Ходить по кругу?..

Самым важным результатом следствия и того, как было обустроено пребывание в тюрьме – как пишет исследовательница ГУЛАГа Энн Эпплбаум¹⁵ – было психологическое воздействие на заключенных. Ещё до длительного этапа на восток, ещё до первого появления в лагере их уже готовили к новой жизни в качестве рабов. Заключенные понимали, что прав на честное разбирательство и честный суд нет, что власть НКВД абсолютна, что жизнь в любой момент может оборваться. Да и подписание признания в преступлениях, которых не совершали, сильно снижало самооценку и уверенность в возможном правосудии. И уже не оставалось и тени надежды на то, что «ошибка», которая привела к аресту, скоро будет исправлена.

¹⁵ Эпплбаум Э. Гулаг. М., 2022.

ПРОЛОГ

Когда переступишь
этот порог
И глазом
в решётку ударишь,
Забудь то слово,
что знал и берёг,
Обжитое слово –
товарищ,
Ведь тот, кто стал
жизни твоей господин,
Скрепив твоё дело
скрепкой,
Тебе не товарищ:
он – гражданин¹⁶.
Я это запомнила
крепко.
– Руки назад! –
О, здесь знают толк
Во всех статьях
униженья!
Ведут. Сами пальцами
щёлк да щёлк:
Кто встретится –
предупрежденье.
И вдруг мне в затылок
рукою – пли!
Лицо моё
к стенке прижато:
Чтоб я не увидела,
как повели

Такого же невиноватого¹⁷.
Весь в заграничном.
К свету спиной.
Мастер ночного допроса.
Здесь душно,
как в камере под землёй,
Где воздух
качают насосом.
Если задуматься:
кто же он?
Должно быть,
просто набойка
На тех сапогах,
что топчут закон,
Кого называют: «тройка».
Всё отобрали.
Даже шнурок
От трусов. Узлом их вяжу,
чтоб не падали.
– А вдруг вы... –
нацелен глаз, как курок.
И голос вороны над падалью.
– За что? Я не враг!
Где правда, где суд?!
– Где суд? – Гражданин усмехается:
– Советую вам
зарубить на носу –
Отсюда не возвращаются!

Надежда Надеждина, неизвестно

«Рваная» форма строк стиха подчеркивает противопоставление мира застенного, в котором находятся *граждане*, и мира свободного, где живут *товарищи*.

Это двоимирие обыгрывается в современном криминальном ретро «Вдруг охотник выбегает» Юлии Яковлевой¹⁸. Это серия классических детективов, но помешённых в неклассическое время – в сталинскую эпоху начала репрессий.

¹⁶ Тебе не товарищ: он – гражданин – с 1937 года конвоиры никогда не называли заключенных «товарищами», заключенного могли избить, если он использовал это слово, обращаясь к конвоиру.

¹⁷ Конвоиры при переводе заключенного из камеры в камеру или на допрос, звенели ключами, щелкали пальцами или издавали другие условные звуки, чтобы предупредить других конвоиров дальше по коридору. Если двоих арестантов вели навстречу друг другу, одного быстро вводили в другой коридор или ставили в особую закрытую нишу. Это делали, чтобы предотвратить встречи заключенных с подельниками или с родственниками, которые тоже могли быть под арестом.

¹⁸ Создательница серии «Ленинградские сказки», написанной на основе писем и дневников про маленьких ленинградцев, которые переживают сталинские репрессии, войну и блокаду, теряют близких людей, быстро взрослеют и, кажется, многое понимают быстрее взрослых.

Главный герой, ленинградский следователь Василий Зайцев, проведший три месяца в тюрьме ОГПУ¹⁹ и каким-то чудом оттуда выпущенный (интригу этого чуда Яковлева пока не раскрывает, мучает героя в вечном страхе повторного ареста), «навещает» в этой тюрьме подследственного по обвинению в контрреволюционных действиях:

– Да вы присядьте, товарищ. Ноги-то не казенные, – ласково предложил Зайцеву дежурный.
– Ничего.

Стены здесь были до половины выкрашены охрой. Никакого щегольства – все административное щегольство осталось за закрытыми дверями в кабинетах. Свет ламп под металлической сеткой казался все желтее. Потолки все ниже. Зайцев почувствовал, как кровь шумит в висках.

– Где же задержанный? – нетерпеливо спросил он дежурного.

– Да ведут его. Может, чаю вам?

Зайцев не ответил. Голубой верх фуражки дежурного снова наклонился над бумагами. Так странно. Несколько месяцев назад он сам входил в это самое здание с руками за спиной.

– Товарищ Зайцев?

Скрипя новенькими сапожками при каждом шаге, вошел офицер ОГПУ:

– Идемте.

Этого горбуна с перхотью на плечах новенького френча Зайцев уже видел. Такого забудешь. Горбун приветливо махнул узкой обезьяньей рукой. Зайцев пошел следом. От горбуна душно пахло одеколоном. Никак не мог вспомнить его фамилию: следователь... следователь... Никак. Это был следователь, который вел дело Фирсова. Они прошли лестницей, коридором, лестницей.

– Тесновато у нас. Но скоро переедем в новое здание. На проспекте Володарского²⁰, – светски болтал горбун.

Опять коридоры. Страшно знакомые. Зайцеву казалось, что с каждым шагом стены делаются все уже. К счастью, остановились; горбун уже отпирал железную дверь.

– Чаю, может? – спросил он.

– Нет, спасибо, – выдавил Зайцев. Есть или пить в этих стенах казалась ему невыносимым. Вспомнил фамилию.

– Спасибо, товарищ Апрельский. <...>

Зайцев обошел Фирсова, тот медленно поднял подбородок. Зайцев оторопел. На лице у Фирсова была свежая ссадина. Нос разбит. Губа тоже. Фирсов сидел, бережно держа на весу собственное тело. Как человек, у которого ушиблены внутренности. Одним, незаплывшим глазом он посмотрел на Зайцева. Мелькнула искра. Узнал. Разбитые губы дрогнули.

– Товарищ Фирсов, – начал Зайцев.

– Гражданин. Гражданин Фирсов, – поправил горбун.

– Я хочу поговорить с вами об Оливере Ньюtone. Помните ведь такого? Имейте в виду, беседа официальная. Допрос свидетеля называется.

Фирсов молчал. Зайцев видел, как взгляд его постепенно прояснялся, твердел.

– Чего молчишь? – встрял горбун.

Фирсов прочистил горло.

– Я убил Оливера Ньютона, – отрывисто просипел он.

Герой признается в убийстве, лишь бы стать обвиняемым по уголовному делу, а не политическому.

¹⁹ Объединённое государственное политическое управление – специальный орган государственной безопасности СССР, который был создан «в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Данная структура была образована на базе ГПУ при НКВД РСФСР в 1923 г. В 1934 году ОГПУ вошло в состав НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

²⁰ Проспект Володарского – бывший и будущий Литейный проспект. «Большой дом» потому что «оттуда Колыму видно» – неофициальное название здания управления НКВД, построенного в начале 1930-х. В настоящее время в здании – Литейный проспект, дом № 4 – управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

ШПИОНКИ

Конвойного за дверью силуэт.
 Я в камере. Ко мне гурьбой девчонки.
 Знакомиться. Что им сказать в ответ?
 Их щебет, все ещё по-детски звонкий,
 Приглушен, словно ветра шум в листве.
 «Кто я? – Обыкновенный человек».
 Тяжелый вздох: «А мы – шпионки!»

Надежда Надеждина, неизвестно

Со «шпионками» я сидела на Лубянке. Половину узкой камеры-щёлки занимала машина, которая накачивала сюда, в подземелье, воздух. Всего две лежанки, а нас было трое. Спать приходилось по двое, и мы взвыли, когда к нам подсадили четвёртую, осыпанную вшами сектантку «субботницу». Оказалось, что вши у нее «от дум». Она нас возненавидела за то, что мы курим и поём «богохульные» песни. Когда воздуходувка молчала, из карцеров к нам доносились крики: «Ты слышишь, товарищ Берия?» Когда воздуходувка работала, всё заглушало её шум, и мы начинали петь «Жёлтый ангел» Вертинского:

«...Бокал я поднимаю, судьбу я проклиная
 О Господи, зачем я родился...»²¹

²¹ Надеждина Н. А. «В памяти встает...» // Китеж: проза, поэзия, драматургия, воспоминания. М., 2006.

СЮИТА ТЮРЕМНАЯ

Убоги милости тюрьмы!
Искусственного чая кружка,—
И как же сахар любим мы,
И черный хлеб с горбушкой!

Но есть свой пир и у чумы, —
Во двор, прогулка пред обедом.
Пить пенящийся пунш зимы,
Закусывать беседой.

Анастасия Цветаева, неизвестно

СОЛНЦЕ НА СТЕБЕЛЬКЕ

Быть или не быть? В тюрьме по-другому, Гамлет!
Жить иль не жить? Это «тройка»²² решит за тебя.
Выводят меня на прогулку. Воздух!
Я пью его, но не прибавляется сил.
Меня стерегут глухие, безглазые стены,
И только тень на дне колодца-двора.
Но стоп! Я вижу весеннее чудо —
У ног моих живое жёлтое солнце.
Мохнатое, крохотное солнце на стебельке.
Можно его осторожно потрогать: мягко!
Можно, нагнувшись, его понюхать: пахнет!
Упрямый росток раздвинул щёлку в асфальте,
Расцвёл одуванчик в тюремной пустыне двора,
Солдатик глядит на часы: время.
И снова уводит меня в камеру: служба.
Но я уже не такая, какая раньше была.
Пусть голос друзей сюда не доходит,
Пусть стены по-прежнему глухи и немы,
Но в памяти светится одуванчик,
Живое, мохнатое солнце на стебельке.
Уж если росток мог одолеть камень,
То неужели правда слабее ростка?!

Надежда Надеждина, неизвестно

²² Особая тройка НКВД – орган внесудебного вынесения приговоров, существовавший в СССР в 1937-1938 гг. в областях и республиках. Тройка состояла из начальника областного управления НКВД, секретаря обкома и прокурора. Приговоры выносились без вызова обвиняемого, без участия защиты и обвинения, обжалованию приговоры не подлежали, тройки даже не вели протоколы. Позже почти всех участников троек репрессировали и расстреляли, причём значительную часть из них – до ноября 1938 года, то есть репрессировали их тройки, членами которых они были ранее.

ИЗ ТЬМЫ

Пронзает сердце острая игла...
Все та же камера, все то же пробужденье.
В окно через решетку льется мгла
И знаменует утра приближенье.
Четыре бьет. Настал мой час томленья.
Но час проходит. В пять уже светло.

День тянется, как нагруженный воз.
Обед. Прогулка. Книги. Разговоры.
Порой случайные бессмысленные споры.
И, наконец, событие – допрос.
И снова ночь. И снова предо мною
Воспоминания проходят чередою.
И не могу я прошлому простить!
Как мало сделано! Как мало я жила!
Ужель конец? Нет, слишком рано.
Моя душа – одна сплошная рана.
И страстно, страстно хочется мне жить.

Ольга Адамова-Слюзберг, Лубянская тюрьма, 5 мая 1936 г.

А стрелка часов продолжала отсчитывать время, отведенное на допрос, и будет отсчитывать до утра. Допросы только ночные, и это понятно. Согласно методу А. Я. Вышинского, вызвавшей протест юристов всего мира, обвинению не нужны были вещественные улики – достаточно признания самого обвиняемого. Добивались этих признаний различными способами. В лагере я видела украинку после побоев, страдающую кровотечениями, литовку с выбитыми зубами, а на Лубянке – русскую женщину, настолько измученную многоночными допросами, что она научилась спать, как лошадь, стоя. Мы страховали её, став вокруг. Но надзирательница, подсмотрев в глазок нашу хитрость, будила беднягу. После такой долгой бескровной пытки многие арестантки согласны были подписать всё, что угодно. Для соблюдения закона требовались ещё показания двух свидетелей. Но добыть их было нетрудно. Кто доносил из страха: «Я не донесу – на меня донесут», кто – потому, что его вынудили, а кто – из рабского усердия слуги.²³

²³ Надеждина Н. А. «В памяти встает...» // Китеж: проза, поэзия, драматургия, воспоминания. М., 2006.

«Вы в белой армии служили?»
Так строгий начался допрос.
Все чувства деве изменили,
Был непонятен ей вопрос.
«Отец Ваш, знаем мы прекрасно,
В полиции служил негласно,
А предок Ваш был дворянин
И очень важный господин» <...>
«Где пропагандой занимались?
Когда Вам Троцкий был знаком?
Над Сталиным Вы с кем смеялись?
И по столу вдруг кулаком.
Концлагерь посетить решили?
Туберкулез Ваш позабыли?
Вас передач и книг лишу
И в одиночку посажу!
Найдем еще мы наказанье,
Врагов хотите покрывать?
Что? Возражения? Молчать!!»

И девы слышно бормотанье:
«Ведь я... но мне ... да никого,
Не знаю ровно ничего!».
<...>
И не успел наш «добрый гений»
Всех методов употребить,
Как дева, не стерпев мучений,
Решила совесть погубить.
Неправду явную признала,
И, как мы знаем, подписала,
А после воли стала ждать,
Ведь он успел ей обещать,
Что завтра будет на свободе.
С тех пор прошло немало дней
И много тягостных ночей.
Но, видно, по своей природе
Имел он ветреный язык
И обещать хоть что привык.

Мария Вейнберг, неизвестно

Эта поэма была сочинена в ДПЗ²⁴ в 1933-1934 гг. А записана много лет спустя по памяти. В то время я была студенткой химфака Ленинградского университета. Одновременно со мной арестовали моих друзей и многих знакомых. Создали дело о подготовке теракта на Сталина. < ... > ...женщин в то время не пытали физически. Использовали всякого рода психологические воздействия, а также карцеры, холод и ночные допросы, но мы с подругой ничего не подписали. В течение пяти месяцев, проведенных в ДПЗ < ... > со мной сидели разные женщины. Нам давали читать одну книгу на все время. Я выбрала «Евгения Онегина» Пушкина, а соседка, болгарка, Шиллера на немецком языке (это ее специальность). Поэма написана под влиянием «Евгения Онегина», в размере его. Каждая строфа должна была заканчиваться цитатой из Пушкина, но это не точно соблюдалось. <...> Героиня поэмы дева – обобщенный образ. В сцене допроса использован, в основном, вариант допроса болгарки, а частично мой и других двух соседок.²⁵

²⁴ ДПЗ, Дом предварительного заключения, Шпалерная тюрьма, «Шпалерка» – первая в России специальная следственная тюрьма. В настоящее время – это следственный изолятор № 3 ФСИН, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 25.

²⁵ Воспоминания Мария Вейнберг, записанные Мемориалом.

Далее два стихотворения про, казалось бы, удивительное. Люди, которых без суда и следствия обвиняли в измене Родине, шпионаже, террористических актах, в оказании помощи международной буржуазии, связях с иностранными государствами, агитации, содержащей «призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» и т.д. по многочисленным подпунктам статьи 58 за контрреволюционную деятельность - так вот, эти люди чувствуют вину.

Но вслушайтесь в реплики подневольных актёров:
Чужих людей прикосновенья
Скучны, досадны, ненужны.
И в серой жизни нет мгновенья
Без ощущения вины.
И слов невысказанных тяжесть —
Быть может, худшая вина,
И никогда того не скажешь,
Чем вся навеки сожжена.

Анна Баркова, неизвестно

Не знаю, в чем моя вина,
Но я раскаяния полна!
Хоть у меня и нету «дела»,
Но я просить бы вас хотела
Смягчить карающий закон;
Не знаю, впрочем, есть ли он.
Не знаю, впрочем, ничего:
Что, почему и отчего?
Что это, буря или шквал,
Землетрясение иль обвал,
Или свирепый ураган,
Или разбойничий наган,
Сразивший мирных на пути?
Как объяснение найти,
И как понять на миг хотя б
Злодейства мрачного масштаб!?

Софья Солунова, неизвестно

ЭТАПНАЯ

– Кто на этап? На обыск мешок!
– Что там в мешке? – Зубной порошок,
Хлеб, барахло, махорки немножко,
Ну и своя деревянная ложка.
Вилка и нож не про нашу честь,
Этой ложкой нам кашу есть,
Этой ложкой горе хлебать,
Срок отбывать, по этапам шагать.
Сколько нам стоит такая дорожка –
Знает она, деревянная ложка.
– Кто на этап? На обыск мешок!
– Вот он. Порите хоть каждый шов,
Лезьте руками на самое дно,
Хлеб и махорку смешайте в одно.
Вам не увидеть, вам не понять,
Чем тяжела нам этапная кладь.
В этом потертом мешке лежит
Наша нелепо отнятая жизнь,
То, что мы сделать могли бы за годы,
Если бы нас не лишили свободы.
То, что додумать мы не успели,
Недосказали и недопели,
Недоучили, недочитали,
Недорастили, недомечтали,
Недооткрыли, недогранили,
Недодышали, недолюбили.
Нам этот груз сердце прожиг...
– Кто на этап? На обыск мешок!

Надежда Надеждина, неизвестно

ПЕСНЯ ПРО СТАРУШКУ

Мы шли на шмон, а впереди старушка
мешок с имуществом несла.
Шмональщик вытряхнул оттуда
Два старых черных сапога,
Еще какие-то лоскутья.
Затрепыхавшись на ветру,
Как лагерные старые знамена,
Они упали на траву.
Он бросил ей мешок пустой,
Когда закончил «кутерьму»,
И бабушка обратно положила
Всю эту выцветшую ерунду.
А я ее спросила:
– За что попали вы в тюрьму?
Вы Родине, что ль, изменили
Иль дали сведенья врагу?
А бабушка была шутницей
И шуткой лагерной ответ дала:
– Я, мол, за Троцкого, за Рыкова
Да за царя Петра Великого!
И так, смеясь беззубым ртом,
Она из года в год
Несет свое имущество
Сквозь бурю исторических невзгод.

Светлана Шилова, 1951 г.

Рефрен стиха *с седьмого неба она упала*: седьмое небо – верхнее из семи небес, самое чистое небо христианского рая, место престола Бога, окружённого херувимами и серафимами. И эпиграф – традиционный для 19 века мотив сострадания в жизнях крестьян. Оба этих элемента стиха являются отправной точкой, и через мотив движения – *вокзал, электрички неслись, пути лежали, в даль убегали, поезд мчался* – акцентируют внимание на точке назначения, при этом не определяя и не называя это место, куда *падает* героиня и куда ведёт *последняя дорога*.

*И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле.
Ф. Тютчев «Русской женщине»*

С седьмого неба она упала.
...Сияло солнце. Возня вокзала.
И электрички неслись на дачи.
Москва казалась сплошной удачей.
Как всех желаний исполненье
Был благодатен тот день осенний,
На Юг счастливых провожали, –
На Север ей пути лежали.
В край незамеченный и скудный,
На край земли. Из рая – в будни.
Она упала с седьмого неба.
В даль убегали колосья хлеба.
В даль убегали навек березы.
Ее печаль росла сквозь слезы.
Туда, назад тянулись руки.
С детьми, с детьми, с детьми в разлуке!
Жизнь проносилась навеки мимо.
А поезд мчался неумолимо.
Упала с неба она седьмого.
Позор и горе ей были новы.
Закат суровый карал зловеще.
Казались бредом простые вещи.
И голос сердца твердил ей строго:
Твоя последняя дорога.

Татьяна Леценко-Сухомлина, Киров - Воркута, октябрь 1948 г.

ПЕСНЯ

Нас уносит тюремный вагон
Сквозь поля, сквозь леса по этапу.
Жизнь и радость, как призрачный сон,
Убегают с полями на запад.
На пригорках мелькают дома,
В окна смотрят свободные люди,
Не нависла над ними тюрьма...
Поглядят на вагон – и забудут.

Нас уносит вагон на восток
Проторенной дорогой страданья.
Нашей жизни печальные строки
Мы допишем в печальном изгнании.
Быстро мчится тюремный вагон
Сквозь поля, сквозь леса по этапу.
Жизнь и радость, как призрачный сон,
Убегают с полями на запад.

Ольга Адамова-Слюзберг, 1938 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Романс

Я помню день, когда нас разлучили,
Когда меня угнали на этап...
Но я тогда еще не знала,
Что ты остался умирать...
А синева небес блистала,
И позолотой плакал лес.
Конвой кричал, и даль дрожала,
Готовая меня... унести...
Колеса бешено стучали,
И за решеткою неслись леса,
И тысячи берез нас разлучали,
И слышались прощальные слова:
«Всегда твой друг, твой друг навеки...
Прошу – меня не позабудь...
Я буду жить тобой в разлуке...
И небо о тебе молить...»
Куда несут меня колеса,
В какие дальние края?
Где ждут меня совсем другие,
Другие... новые друзья
А он останется в березках...
Развеет ветер сон любви...
И неоплаканной могилой
Закончатся твои пути...
А ветер, облетев планету,
Вернется, может быть, туда
И в тех краях, где спит любимый,
Вспомынет прошлые года...
Эй, ветер, ты ему напомни,
Что есть еще одна душа,
Что плачет, плачет и рыдает
И поминает на земле тебя!
А он хотел ведь так немного!
Немного хлеба и любви...
И до родимого порога
Хоть как-нибудь, но добрести...
А он останется в березках.
Развеет время сон любви.
И не найдут твоей могилы
Мои пунцовые цветы...

Надежда Надеждина, Потьма, 1953 г.

ЭТАП

Вагон. Свечи огарок душный.
Погаснет – и каюк!
Сигнала поезд ждёт послушно,
Нас заперли на крюк.

Разгул звериный у шалмана²⁶
Побоище. Грабёж.
Мелькают лица из тумана.
Кого-то ищет нож.

Пощады нет в кровавой драке!
И стон, и вой, и рык,
И хряк удара в полумраке,
И жалкий женский крик...

Вцепилась я за веру в Чудо.
Не смею отпустить.
Всем существом держать я буду
Ту тоненькую нить.

Она дрожит, а я застыла...
О, только б сил достать
Среди жестокости постылой
Ту нить мне удержать.

Верни с этапа нас, о Боже!
Не дай погибнуть нам.
И если человек не может –
Открой нам двери сам!

И вдруг в ответ свистки конвоя,
Поспешный топот ног!
Разгул затих, как гул прибоя,
Заскрежетал замок!

О, Чудо! Распахнулись двери
На жизнь! На лунный снег.
Пусть тот, кто в чудеса не верит, –
Поверит им навек...

Навстречу воздух плыл, как счастье,
Из чистоты ночной...
Все принимало в нас участие,
Дышало тишиной...

Мы шли обратно, и дорога
Казалась нам легка.
А ночь была огромной, строгой
И долгой, как века...

Она жалела нас, старуха, –
Полярный конвоир...
Роняла снег, как слёзы, глухо
Оплакивая мир.

Татьяна Лещенко-Сухомлина, Сивая маска²⁷, зима 1952 г.

²⁶ Шалман – жарг. низкопробное питейное заведение; трактир, пивная.

²⁷ Сивая маска – ж/д станция Сивая Маска, Республика Коми, городской округ Воркута.

В конце 1940-х годов был расстрелян на Мульде весь мужской лагерь. Когда наш женский этап пригнали в этот опустевший лагерь, то в бараках стены и полы были залиты кровью и забрызганы человеческими мозгами.²⁸

Женщин-каторжанок пригнали, чтобы отмыть зону от следов массового убийства, которое последовало после восстания зэков, подготовить её к заселению новыми заключенными. Также женщин направили на работы на железнодорожном полотне: работа не могла простаивать. *Кто расскажет-опишет самосудный расстрел* – официальный скупой отчет о произошедшем восстании не совпадает с несколькими воспоминаниями женщин и стихом Корибут-Дашкевич, тех женщин которые попали на ж/д станцию Мульда после событий.

МЁРТВЫЙ ОЛП²⁹

Нас пригнали этапом. Зона странно молчала.
Нас пригнали на Мульду, а лагерь был пуст...
Тишина нас пугала, тишина угрожала
И предчувствием тяжким теснила нам грудь.

Мы вошли и застыли... Там, на стенах барачков,
Пятна свежие крови и выстрелов след...
На полу и на нарах – всюду страшные знаки.
Тёмно-красные знаки окровавленных тел...

Что же было на Мульде, в чёрной горестной тундре?
Кто расскажет-опишет самосудный расстрел?
Сколько душ погубили в дальнем ОЛПе на Мульде?
Кто ответит-заплатит за такой беспредел?

Нас пригнали на Мульду. Зона тяжело молчала...
Нас пригнали этапом, а лагерь был пуст.
Тишина на пугала, тишина угрожала,
И дыхание смерти не давало уснуть...

Елена Корибут-Дашкевич, неизвестно

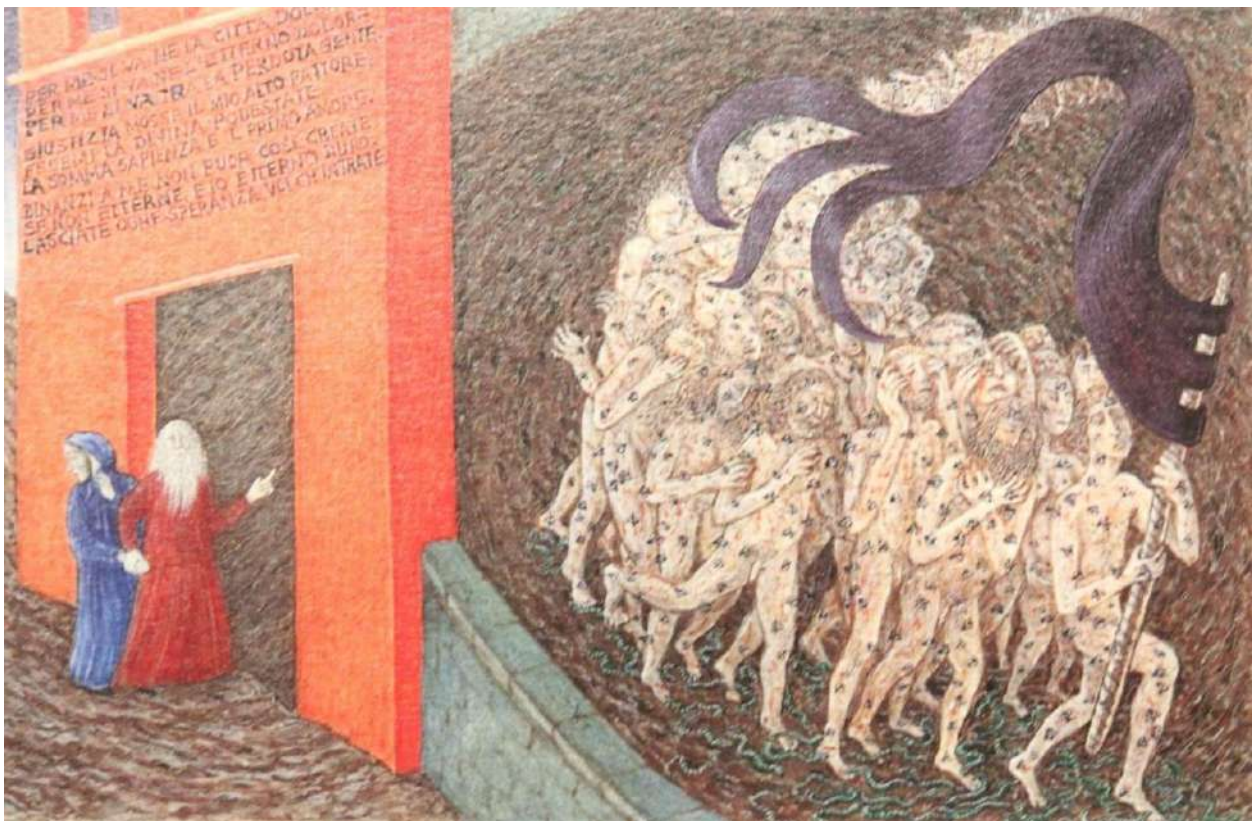
²⁸ Воспоминания Марковой Е. В. из базы данных Сахаровского центра.

²⁹ Отдельный лагерьный пункт (ОЛП) – низовое лагерное учреждение в системе исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД-МВД СССР.

ПРИЕХАЛИ

Це ж тебе не Рио-де-Жанейро,
Это даже не ад Данте –
На воротах написано:
«Выполним задание первыми!»
Вместо «Lasciate ogni speranza...»³⁰
У входа клубится толпа народа,
Пасти измазаны липкой руганью.
Внутри
Шевелятся какие-то уроды.
Все – трудно
Бритые бровки –
Идет воровка
Самая
Красивая!
.....
Звезда моя,
Спаси меня!

Елена Ильзен-Грин, из цикла “Воркута”, неизвестно

Врата ада «Божественной комедии», иллюстрация Моника Бейснер

³⁰ Lasciate ogni speranza voi ch'entrate – оставь надежду, всяк сюда входящий – последняя строчка текста, написанного на воротах ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери

Жизнь в лагере

Выхоленный пес на шелудивую не глянет суку:
отношения с системой

Лагеря были разные: или *моя тюрьма — полуостров зеленый, Окруженный прозрачной водой*, или выжженная земля Казахстана, бесконечные снега. Постоянным было это: *Вышка. Вахта. Параши. Конвой. Номера на бушлатах. Пайка хлеба. Бачок с баландой. Бирка с смертной датой*. Да еще всегда была такая кастовая система: *И в двойном оцепленье штыков И тюремных затворов Вижу только сословье рабов И сословье надзора*.

Со стихов о надзорных начнем подборку этого раздела: отношения лирических героинь и сюжеты, связанные с конвоирами, от любви, как говорится, до ненависти.

БРИГАДНАЯ

За зону ходит наша бригада,
Её называют «бригада, что надо!».
Мы это ещё раз всем доказали
В февральское утро на лесоповале.

Конвойный наш выпил – себе же назло
И начал трепаться – его развезло.
Он, дескать, понял, что мы не враги.
Он нас отпускает: кто хочет, беги!

Не понимает сопляк, мальчишка –
За наш побег ему будет вышка.
Он бросил ружьё к подножию ели.
Он нас пожалел, мы его пожалели.

Под вопли сорочки в заросли хвойные
Мы конвоира вели, как конвойные.
У вахты сделали остановку,
В руки ему вложили винтовку

И, твёрдо решив – дело это прикроем,
В зону вошли, как положено, строем.
Казалось, комар не подточит носа.
И вдруг нас стали таскать на допросы.

Как ни таскали, как ни пугали,
«Такого не было!» – мы отвечали.
Но поняли мы, хоть об этом ни звука:
Есть в нашей бригаде доносчица-сука.

Они догадались, что мы догадались,
За сучью жизнь они испугались –
И больше и в зоне, и на лесоповале
Мы эту суку уже не встречали.

Убрали куда-то доносчицу-гада...
Вновь наша бригада – бригада, что надо!

Надежда Надеждина, неизвестно

КОНВОИР

На фоне нас, измученных и серых,
Цветет роскошный, пышный конвоир.
Его большое кормленное тело
Нам застит целый Божий мир.
На автомате равнодушно держит руку.
Он презирает нас. Так выхолненный пес
На шелудивую не глянет суку.
Он сыт,
Он мыт, Он брит,
Он курит сколько хочешь папирос.

Елена Ильзен-Грин, неизвестно

СПАСИБО

Тов. Зимину, нашему эльгенскому конвоиру

Не знаю, откуда ты родом –
Владимирский или рязанский,
Ты, сын трудового народа,
Нам скрасил век арестантский.
Не знаю, куда ты уехал –
В Каширу или в Калугу,
Быть может, добился успеха,
Забыл колымскую вьюгу.
А может, родным и невесте
Пришлось прочитать: «Не ждите!»
И вы с моим сыном вместе
В солдатской могиле спите,
Но только за горькие годы,
Рельефные, как на картине,
За ту брусничную воду,
Что мне принес и Марине,
За то, что не издевался,
Ни грубым не стал, ни строгим,
За то, что щадить старался
До крови стертые ноги,
За то, что в погибельном крае
Ты нам не убавил веку,
За то, что в звериной стае
Старался быть человеком, –
Спасибо наше прими ты,
Простой паренек крестьянский,
Живой ты или убитый,
Тамбовский или казанский!

Берта Бабина, Москва, 15 августа 1958 г.

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Застрелился молодой конвойный...
Пулевая рана на виске.
Будет ли лежать ему спокойно
В нашем мерзлом лагерном песке?
Что ночами думал он, терзаясь,
Почему не мог он службу несть,
Нам не скажут. Но теперь мы знаем
И среди конвойных люди есть.

Надежда Надеждина, неизвестно

ОХРАННИК

*– Далось тебе, – сочувственно вздыхаю, –
Железо от народа охранять...
Небось и лет не больше тридцати?*

Стихи мужские! Ни слезы, ни вздоха,
Ни мрака непроглядного ночей.
И обрамляет мирная эпоха
Портрет потенциальных палачей.

Мне наплевать, что ты не жёг, не резал,
В заветных рощах не сводил стволы.
Он также станет охранять железо,
Коль из него куются кандалы.

Ему все тридцать? Я вот постарела,
А тут, глядишь, и время не берёт!
Он нам велел в ручье заледенелом
Стоять, когда переходили брод.

А сам смотрел незрячими глазами
На наши муки, не питая зла.
Он женщину на вахте сапогами
Пинал, пока в крови не поплыла.

Ты говоришь, что он в глаза не взглянет?
Он прячет отсвет снега, смерти, крох...
Он столько знает, этот твой охранник,
Как говорится... не довёл бы Бог!

Виктория Гольдовская, неизвестно

Два «фольклорных стиха»: ворон со зловещим криком выступает вестником зла и смерти. Он связан с подземным царством мертвым: именно эти птицы слетаются на поле кровавой битвы и выклевают у жертв глаза или сидят на частоколе у избушки Бабы-Яги, которая так же наполовину неживая – у нее костяная нога, нога от мертвеца. И образ её дома легко проступает в стихотворении:

ВЫШКА

Из серых досок нестроганных
На длинных ногах-сваях
Стоит скворешня строгая,
Кажется: вот-вот зашагает.
Это не жилье человечье,
Там нельзя ни спать, ни обедать.
Но человек там торчит вечно,
Глазеет на мои беды.
Ничто-то ему не любо.
Он караулит меня, узника.
Ничего, не горюй, ты! в шубе!
Всякий труд одинаково почетен
В Советском Союзе!

Елена Ильзен-Грин, неизвестно

БОРОН

Ты зачем прилетаешь к нам, ворон,
и садишься на черный барак?
Здесь живет народ подзаборный
старики государства ГУЛАГ.

Им никто ничего не пишет
и никто ничего не шлет...
Они тем лишь живут и дышат,
что начальник баланду дает.

И как только звонок на поверку
по лагерю ээков сзывал,
черный ворон тот, глядя сверху,
за ними всегда наблюдал.

Но вот снова железка гремит,
и толпа по баракам бежит.
Воцарилась здесь тишина,
но не спят вертухай и луна.

Вертухай при луне не мечтает,
он страну от врагов охраняет...
А враги погрузились в сны,
провалились, как в тартарары!

Светлана Шилова, неизвестно

Стихотворения «Врач» и «Палач» из цикла Елены Ильзен-Грин под названием «Утро нашей Родины». У цикла есть эпиграф:

*Травка зеленеет,
Солнышко блестит...*³¹

*Заутро казнь...*³²

«Утро нашей Родины» художника Фёдора Саввича Шурпина.

ВРАЧ

К врачу двоих ввели,
Раздели, одели и увели.
Врач под картиной «Утро нашей Родины»
Сел заполнять форму:
Легкие – норма, сердце – норма,
К расстрелу годен.
Вымыл руки,
Подкололся морфием прямо сквозь брюки.
Поспать бы успеть,
Пока к тем двоим позовут
констатировать смерть.

ПАЛАЧ

В полночь будильник звонит, звонит отчаянно.
Палач встал, подавил зевоту,
Съел булочку, выпил чаю,
Не спеша пошел на работу.
У него сегодня много ли дела –
Два каких-нибудь расстрела.

А несчастные мечтают в чайные чуда.
Откуда же чудо, раз есть Иуда!
Войдут сейчас, возьмут сейчас, убьют сейчас –
В предрассветный час.
Так и были ликвидированы
Двое посмертно реабилитированные.

Человек, не будь палачом!
Никогда, нипочем!

³¹ Плещеев А. Н.: *Травка зеленеет, Солнышко блестит; Ласточка с весной В сени к нам летит <...> Дам тебе я зерен, А ты песню спой, Что из стран далеких Принесла с собой.*

³² Пушкин А. С. «Полтава»: *Заутра казнь. Но без боязни Что смерть ему? желанный сон.*

М.

Куда они бросили тело твое? В люк?
Где расстреливали? В подвале?
Слышал ли ты звук
Выстрела? Нет, едва ли.
Выстрел в затылок милосерд:
Вдребезги память.
Вспомнил ли ты тот рассвет? Нет.
Торопился падать.

Лидия Чуковская, 1956 г.

Ветер тонким песьим воем
Завывает за горой
Взвод стрелков проходит строем,
Ночь... Бараки... Часовой...
Это – мне, а что с тобою?
Серый каменный мешок?
Или ты прикрыл рукою
Пулей раненный висок?

Нина Гаген-Торн, Магадан, 1937 г.

О ВОЗВЫШАЮЩЕМ ОБМАНЕ

Ключья мяса, пропитанные грязью,
В гнусных ямах топтала нога.
Чем вы были? Красотой? Безобразием?
Сердцем друга? Сердцем врага?

Перекошено, огненно, злобно
Небо падает в темный наш мир.
Не случилось вам видеть подобного,
Ясный Пушкин, великий Шекспир.

Да, вы были бы так же разорваны
На клочки и втоптаны в грязь,
Стая злых металлических воронов
И над вами бы так же вилась.

Иль спаслись бы, спрятавшись с дрожью,
По-мышинному, в норку, в чулан,
Лепеча беспомощно: низких истин дороже
Возвышающий нас обман³³.

Анна Баркова, 1946 г.

³³ Из большого стихотворения «Герой» Пушкина: *Тьмы низких истин мне дороже Нас возвышающий обман...Оставь герою сердце! Что же Он будет без него? Тиран...*

Ниже три стиха о том, как голод и холод системы меняет героинь-лагерниц.

КОГДА ВЫМЕРЗАЕТ ДУША

Когда-то, когда-то, когда-то
Были и мы молодыми.
Стоим мы у вахты, лохматые,
От инея все седые.
И пара белого струи
Бьют у нас из ноздрей,
Как у закованных в сбрую
Загнанных лошадей.
Воздух нам горло режет,
Он острым стал, как стекло.
Одна у нас только надежда:
В зону, в барак, в тепло.
И вдруг нам приказ – не во сне ли? –
За зоной могилу копать:
В бараке скончалась Анеля –
За номером сто тридцать пять.
Стоим мы, как истуканы.
Добил нас этот приказ.
И наш бригадир Татьяна
Сказала за всех за нас:
«Анелю мы все уважали,
Хорошая девка была.
Не думали, не гадали,
Чтоб так она нас подвела.
Земля ведь окаменела,
Бей ее ломом и вой!
Пусть девка бы потерпела
И померла бы весной».
Вы скажете: это не люди,
Подонки, двуногий скот.
Многие нас осудят,
Но верю, что кто-то поймет.
Мы были других не хуже,
Жестокость в себе глуша,
Но, видно, бывают стужи,
Когда вымерзает душа.

Надежда Надеждина, неизвестно

В БАРАКЕ

В бараке каждый вечер – ссоры,
Зубовный скрежет, стон и плач,
И каждый день плодятся воры,
И каждый – сам себе палач.

Профессор, крадущий талоны
И хлебный нищенский паёк, –
Какие страшные уклоны,
Какой зловещий, грозный рок!

Так расточить свой облик прежний,
Так потерять над телом власть,
Так опуститься безнадежно,
Так глубоко, так низко пасть!

Но – осудить – не станет силы,
Не хватит духу – заклеить...
Не все ли на краю могилы,
Не всех ли смертный страх томит?..

И только с болью бесконечной
Глядя в прекрасные глаза
Когда-то гордой, безупречной,
Как осудить – и наказать?

И лишь мучительно и остро,
Когда Царь-Голод³⁴ вносит плеть,
Хочу сказать: мужайтесь, сестры,
Чтоб и его преодолеть!

Марианна Ямпольская, 8 марта 1942 г.

³⁴ «Царь Голод» – пьеса Леонида Андреева, о том, как Царь поднимает нищих подданных на восстание против сытых. Совесть этого общества – Девушка в черном. Справится ли она с тираном, который называет себя другом бедняков?

Что же? Значит истощенье?
Что же – значит, изнемог?
Страшно каждое движенье
Изболевших рук и ног.
Страшен голод: бред о хлебе.
«Хлеба, хлеба» – сердца стук.
Далеко в прозрачном небе
Равнодушный солнца круг.
Тонким свистом клуб дыханья,
Это – минус пятьдесят.
Что же? Значит умиранье?
Горы смотрят и молчат.

Нина Гаген-Торн, Эльген, 1940 г.

*...Когда мы возвратились с работы, дневальная встретила меня возгласом:
– Беги в барак, посмотри, что у тебя под подушкой лежит! Сердце у меня забилося. Я подумала:
наверное, мне всё-таки дали мой хлеб! Я подбежала к постели и отбросила подушку. Под подушкой
лежало три письма из дома, три письма! Я уже полгода не получала писем.
Первое чувство, которое я испытала, было острое разочарование: это был не хлеб, это были
письма! А вслед за этим – ужас. Во что я превратилась, если кусок хлеба мне дороже писем
от мамы, папы, детей!
Я раскрыла конверты. Выпали фотографии. Серыми своими глазками глянула на меня дочь. Сын
наморщил лобик и что-то думает.
Я забыла о хлебе, я плакала.³⁵*

КОМИССИЯ

В бараке чисто-пречисто,
Под головой ни одной портянки,
Какой-то начальник выговаривает речисто:
Ежели что... В порошок сотрет... Подтянет...
Обед сегодня, конечно, мясной,
До седьмого блеска начищены миски.
Не шевелись, не дыши, стой!
К нам едет санитарная комиссия!

Елена Ильзен-Грин, неизвестно

³⁵ Адамова-Слиозберг О. Путь М., 1993.

Два стиха-сюиты Анастасии Цветаевой, годы написания неизвестны:

СЮИТА ОКОННАЯ

...Как странно начинать писать стихи,
Которым, может, век не прозвучать...
Так будьте же, слова мои, т и х и,
На вас тюремная лежит печать.

Я мухою люблюсь на стекле.
Легчайших крыльев тонкая слюда
На нераспахнутом блестит окне
В окне стремясь, в окно летя, туда
Где осени невиданной руно
С лазурью неба празднует союз,
В нераскрывающееся окно,
Куда я телом слабым горько рвусь.

Я рвусь еще туда, где Боннивар³⁶
В темницу, короновану тобой,
О одиночество! Бесценный дар!
Молю о нем, – отказано судьбой.

Да, это Дантов ад. Тела, тела...
Поют и ссорятся, едят и пьют.
Какому испытанью предала
Меня судьба! Года, года пройдут
До дня, когда увижу дорогих
Моей душе. Их лица, имена
Не тщишь сказать, мой слабосильный стих;
Какие наступили времена!

Рахили³⁷ плач по всей родной земле,
Дорожный эпос, неизвестный путь,
Мороз и голод, вши – и на коне
Чума или тиф догонят где-нибудь...
– О Боже! Помоги принять не так
Свою судьбу. Не как змея из-под копыта!
Ведь это Книга Царств торжественно раскрыта,
А к солнцу нет пути, как через мрак!

...Как странно начинать писать стихи,
Которым, может, век не прозвучать...
Так будьте же, слова мои, т и х и,
На вас тюремная лежит печать.

³⁶ Франсуа Бонивар – швейцарский патриот и историк, персонаж поэмы Байрона «Шильонский узник». Бонивар был брошен в подземелье замка по приказу Карла III Савойского за то, что боролся с попытками Карла подчинить Женеву. После двухдневной осады замок был взят и Бонивар освобождён.

³⁷ Рахиль («овечка») – в Ветхом Завете Рахиль вместе с сестрой Лией предстают как праматери всего дома Израилева. Рахиль символизирует не только мать, которой рождение ребёнка стоило жизни, но и мать, которая до конца страдает своим детям и заботится о судьбе их детей.

СЮИТА НОЧНАЯ

В камере на 40 мест 170 заключенных женщин

И снова ночь! Прохладой летейской
Как сходен с кладбищем тюремный этот храм!
Не спит, как и всегда, в своей тоске библейской
Больная Хана Хейм, химера с Нотр-Дам.
Латышки спят угрюмыми горами,
Пригревши берег Греции у ног...
Панн гоголевских веют сны над нами, –
С китайской ножки соскользнул чулок...
То кисть художника, что Марафонской битвой
Огромное прославил полотно.
Химерою и я в своем углу, молитвы
Бескрылые творю. Идут на дно,
Как в океан корабль порою сходит,
Что паруса развеял по ветрам, –
Ужели той, что спит, и в снов низинах бродит, –
Не помогу, Химера с Нотр-Дам?
Химера, да! Но с Нотр-Дам Химера!
Молитвой как ключом – замки моих ключиц,
Луну ума гася светилом веры...
(Стыдись, о ум! Бескрылая химера!
Твой философский нос тупее клюва птиц).
Летучей мышью, да! Но мышью-то летучей!
Глаза смежив, чтоб не ожег их свет,
Крылом туда, где Феба выются тучи, –
...Такой горы на этом свете нет,
Что не ушла бы вся, с вершиною, в Великий
И тихий космоса зеленый океан.
Ты спишь, мое дитя, в твоей тоске безликой
(И мнишь во сне, что истина – обман).
Уснуло все. Ни вздоха и ни плача –
Миг совершенно смертной тишины.
Предрассветный сон. Я знаю, что он значит –
О воле и о доме сны
Сошли на дно души, как корабли порою
Без сил смежив пустые паруса,
Спит смертным сном душа перед трубою
Архангела. А света полоса –
Звонок, подъем. Уже! О, как весенне,
Как победительно борение со сном.
Из мертвых к жизни вечной воскресенье,
О руки над кладбищенским холмом.
О трепет век и дрожь ресниц! Туманы
Над прахом тел развеялись. Земле конец.
Преображение плоти. Крови колыханье –
То тронул холод мрамора своим дыханьем
Ты, Микель-Анджело божественный резец!

ФИТИЛЕК

Сегодня нет света.
А мне все равно.
Мне и со светом
в бараке темно.
Верхушка у нар
похожа на крест.
В бараке Голгофа –
крестов целый лес.
Лишь кое-где белеет «уют».
Так занавеску из марли зовут.
Чтоб сифилитик в лицо не дышал,
Чтоб не пристала чужая парша³⁸.
Недолгое счастье этот уют,
Придут пожарники и сорвут.
Сегодня нет света.
Не видно ни зги. Надзор забежал:
ведь мы – враги! А вдруг зарежем,
хоть без ножа? А вдруг попробуем
убежать!
А вдруг?!
Надзору тогда труба!
За проволокой
спустили собак.
Прожектор пилит
пилою света,
За зоной пускают
ракеты, ракеты...
Дневальной приказ:
зажечь фитилек.
Дрожит огонек,
стоит пузырек,
В нем жира побольше,
чем наш паек.
В рабочем бараке
вечерняя вонь.
Как бабочки,
люди спешат на огонь.

И тени за ними,
как стукачи.
Ослепшая просит:
«Письмо мне прочти!»
А я ошалела.
Меня опьянил
Запах бумаги,
запах чернил!
Как штык – фитилек,
как нож – огонек.
Ах, если бы мне
эти несколько строк!
Я бы на нары
письмо унесла,
Я бы его в темноте
прочла.
Я бы читала его
не глазами –
Сердцем, грудью,
руками, губами...
Я бы тогда увидела свет.
Но нет мне письма.
Нет.
За то я любимой
его была,
Что щедро жила,
что мягко стлала,
Что шкуру свою
для него сняла,
Ступенькой под ноги ему
легла.
Как побежал! Как поскакал!
Даже мне ручкой не помахал.
Чужая душа, пустая душа.
Я все же люблю. И нечем дышать.

Надежда Надеждина, неизвестно

³⁸ Парша – заразная кожная болезнь.

Окончание большого стихотворения ЖЁНЫ – мрачный текст о разных аспектах жизни в лагере и о фигуре Сталина (см. подробнее раздел *за битого небитых двух дают*: смерть тирана).

С женщин снимается специзоляция,
Гибок ГУЛАГ, несложна операция.
Едет начальство для новой заботы –
Белых рабынь разослать на работы.
Снова собирайте узлы и подушки,
Вновь до отказа набиты теплушки,
Затарактели с решеткой вагоны,
Дальше, на Север отправлены жены.

Обыски, вышки, поверка, собаки,
На Воркуте, ББК³⁹ и в Талаге
Мерзкою пастью зловонной клоаки
Нас поглотил «исправительный лагерь»,
Перемешав с человеческой гнилью,
Сделав постыдное нашею былью,
Сделавши домом нам логово смрадное,
Высосал жизнь, как чудовище жадное.

Неисчислимы пути и дороги,
Что по двенадцать часов под конвоем
Вдоль исходили опухшие ноги
В ветер и в ливень, морозом и зноем.

На шпалорезке, на выкатке бревен,
На распиловке, в столярке, в сапожной,
Долгие годы с мужчинами вровень,
Труд непосильный, подчас – невозможный.
В сердце иссякли источники слез,
Мысль застыла от мертвенной хватки,
Смотрят начальником туберкулез,
Астма, пеллагра и опухоль матки.

Гибель – владычица, жизнь – пустяк,
Даже в аду не придумали черти
То, что придумал искусный ГУЛАГ
На беспощадном конвейере смерти.

Нет, не ГУЛАГ! Тот, чье имя позорное
Превосхваляют со строчек газеты;
Тот лишь, чье сердце, змеиное, черное
Прячут под френчем немые портреты.

Это твоими лихими наветами
Были они пред страной оклеветаны.
Лживо обрушив на мужа вину,
Страшною мукой казнил ты жену.

Слышал ты детские крики и плач?
Видел ли ты, озверелый палач,
Как приходили безвинную мать
В позднюю ночь у ребенка отнять!?
Веером машет дитя проституции,
Нос прикрывая изъеденный гноем;
Так вот, кокетничая конституцией,
Ты занялся неприкрытым разбоем.

Время пройдет, эту ложь бутафории
Шквалом снесет: беспощадна история,
И вдохновитель безумного фарса
Будет известен до самого Марса.
Кончится путь, уможенный страданием,
Сдвинутся с шумом могильные плиты,
И пред Особым – другим – Совещанием
Встанем мы, правдой и светом залитые.

Нина Сагалович, неизвестно

³⁹ ББЛ или Белбалтлаг – советский исправительно-трудовой лагерь, основной задачей которого было строительство и обслуживание Беломоро-Балтийского канала.

Колымский лагерь, развод – выход бригад на работу, и звучит ...музыка смерти. Можете обвинить нас в излишнем нагнетании жути, но мы не могли не вставить этот кусок поэмы Елены Владимировой, потому что по всему сборнику разбросаны стихи про музыку и про тишину как отсутствие звуков.

Вокруг стояла тишина
Та, что пристала только смерти,
Полярным льдам, провалам сна
И горю... Даже не заметив,
Как тихо тронулся развод,
Матвей, в раздумье погруженный,
Шагнул за всеми из ворот –
И обернулся пораженный.
Почти немислимая здесь,
Фальшиво, дико, сухо, резко,
Как жесть, гремящая о жесть,
Звучала музыка оркестра...
В снега уставив свой костыль,
Окоченев в бушлате рваном,
Безногий парень колотил
В тугую кожу барабана;
Худой и желтый, как скелет,
Вот-вот готовый развалиться,
Дул кларнетист, подняв кларнет,
Как черный клюв огромной птицы;

У посиневших мертвых губ
Двух трубачей, стоявших тут же,
Блестела медь огромных труб,
Жестоко раскаленных стужей.
Казалось, призраки сошлись
В холодном сумраке рассвета,
Чтоб до конца наполнить жизнь
Своим неповторимым бредом...
Над жалким скопищем людей,
Желавших отдыха и хлеба,
В циничной наглости своей
Бравурный марш вздымался к небу...
Ни в ком ответа не родив,
Он симулировал свободу,
Отвергнут мертвою природой
И полумертвыми людьми.
Развод был долог... На горе
Темнели первые бригады,
А хвост кружился во дворе
И изгибался за оградой.

В поэме «Колыма» Елены Владимировой четыре тысячи строк. Мы знаем это, но найти текст поэмы полностью нам не удалось. Только отрывки, и самый большой объем отрывков из – представляете – журнала, который издавали в Амстердаме про экономическую и политическую жизнь СССР, журнал вообще не про стихи. Грустно это, хотя вроде и понятны причины особого невнимания к тексту: табуированность темы ГУЛАГа – «нечего копать в грязном белье и ворошить неприятное прошлое», и недостаток интереса к женской оптике в литературе.

История о том, как поэму сохраняли для читательниц – увлекательнейшая, похлеще истории сохранения «Реквиема» Ахматовой. Сохраняли, сохраняли, но прочитать мы с вами поэму полностью все равно не можем.

Когда мне заменили расстрел каторгой, я попала в горный глухой район, небольшую долину, со всех сторон замкнутую сопками. Такая безнадежность была во всем, что я задумалась; как, на что истратить остаток сил и дней? Работоспособность умственная, это я лишь теперь понимаю, была исключительная, в голове я могла делать все, что хочу, и при любых обстоятельствах. И я решила написать повесть, охватывающую всё виденное. Но писать, конечно, было нельзя. Я начала «писать» в уме. Понимала, нужно сохранить сделанное, а на своё долголетие не рассчитывала. Пришла мысль, как будто неосуществимая, но в жизни многое неосуществимое осуществляется. Решила найти молодую женщину, которая возьмет на себя сохранить «написанное». Для этого нужно было со слов запоминать наизусть. Такой человек нашелся, и мы приступили к работе. Вернувшись с лесоповала, мы садились где-нибудь во дворе, делая вид, что просто разговариваем, и занимались нашим делом. Одно слово, услышанное посторонним, могло погубить обеих.

Но нас развели: меня увезли с Колымы, работа прервалась более чем на год. Потом я снова взяла себя в руки и в довольно быстром темпе закончила всё. К бумаге прибегала лишь для того, чтобы временно закрепить (начальными буквами строк) рождавшиеся куски, потом выбрасывала. Вещь вышла большая – строк примерно на четыре тысячи. И тут оказалось, что я ею во многом недовольна. Переделывать такую вещь в уме?! Не думала, что это возможно. Но стала делать – и сделала. Это ещё труднее, чем «писать». А можно! Очень гибкая штука – человеческий ум! Теперь нужно было «вынуть» повесть в стихах из головы и материализовать. Решила записать на папиросной бумаге и где-нибудь закопать. Конечно, я делала, как поняла потом, бесполезную работу – по неопытности засунула листки в жестяную коробку. Наверное, всё проржавело и сгнило, хотя теперь это не имеет значения. Вспоминаю, как писала. Во-первых, делать это надо было обязательно открыто, не прячась – под самым носом начальства, на глазах у всех, но незаметно для них. Я брала иголку, какую-нибудь починку, а также кусочек карандаша и бумагу. Садилась обычно поближе к воде: в случае чего утопить листки в луже, кувшине, ведре – и ограничиться карцером. Помню, ранней весной сидела у нашего «клуба» и писала; позади была большая талая лужа. Вдруг вижу: с вахты бежит дежурный. Бежит ко мне! Я говорю себе: «Выдержка! Не двинусь до последней минуты!» И замечаю (а сердце-то уж черт знает где!): он глядит поверх моей головы. Значит, не во мне дело. Оказывается, кто-то святотатственно повесил сушить белье на крыше клуба. Меня может понять тот, кто знает, чем для человека, уже имевшего «вышку», грозила такая работа.

Наконец я все записала, строк по двадцать, на бумажке, значит, всего было бумажек двести, носила их в марлевом мешочке на шее, берегла, чтобы не очень смять, пока не спрятала в той железной коробочке.

Теперь повесть восстановлена по памяти, передана туда, куда мы, коммунисты, должны передать свои думы и свой опыт (Владимрова отправляет текст поэмы и письмо на очередной съезд КПСС – прим. автора).⁴⁰

А вот, получается, другой список⁴¹ поэмы, у которого другой путь до читателя.

Не знаю, по какой причине Лена не описывает точно историю этой поэмы, а может быть, она и не знает о её дальнейшей судьбе. После Колымы Лена попала в Караганду. Больная сердцем и легкими, она лежала в лагерной больнице, где медсестрой была Аля Эрлих-Познанская, взятая в 1948 году, как повторница. Они подружались. Лена ей из памяти диктовала свою поэму, а Аля записывала на папиросной бумаге. Потом Лена туго свернутые в трубочку листочки укладывала на полотна и обшивала цветными нитками – получался яркий цветочный узор, выпуклая вышивка. Из этого сшили подушку, и эту подушку Аля Эрлих-Познанская привезла в 1954 году в Варшаву. Здесь она встретила колымчанку Стефанию Ивинскую, которая на Колыме жила одно время в бараке с Леной Владимировой, тяжело пережила её арест, помнила отрывки поэмы и была уверена, что Лена погибла. Стефа и Аля распоролли яркие цветы, расправили тоненькие бумажки и с большим трудом составили всю поэму. Они обе умерли. Экземпляр поэмы хранится у меня. Стефа и Аля берегли поэму как реликвию. О том, что Лена всё же дождалась до освобождения, они узнали слишком поздно, вскоре пришло известие о её смерти. Я знаю, что моя подруга Елизавета Семеновна-Драбкина пыталась уже после смерти Лены издать её стихи, но закончился период «оттепели». У меня довольно много стихов Лены и её «Колыма». Если это может Вам пригодиться – я с радостью передам. С приветом, Целина Будзынская

⁴⁰ Доднесь тяготееет. В 2-х томах Том 1. Записки вашей современницы. Возвращение, 2004.

⁴¹ Список – документ, созданный в результате воспроизведения рукописи или машинописного текста первоначального документа (протографа данного списка); в отличие от копии, точное воспроизведение оригинала не является целью.

Далее три стиха о возвращении в лагеря в связи с повторными арестами:

Опять казарменное платье,
Казенный показной уют,
Опять⁴² казенные кровати –
Для умирающих приют.

Меня и после наказания,
Как видно, наказание ждет.
Поймешь ли ты мои терзанья
У неоткрывшихся ворот?

Расплющило и в грязь вдавило
Меня тупое колесо...
Сидеть бы в кабаке унылом
Алкоголичкой Пикассо.

Анна Баркова, 17 сентября 1955 г.

ПОВТОРНИК

В нашем городе каспийском,
Не замеченный толпой,
Для себя с немалым риском
Жил и действовал слепой.
Перед ним была бумага,
А в руке была игла,
И смертельная отвага
У него в груди была.
Был концлагерь на Востоке,
А на Западе – война,
Перещупывал он строки
Возле тёмного окна.
Мир земной и мир надземный
Вновь осмысливал старик –
Поэтапно, потюремно
Вёл он тайный временник.
Но однажды, на рассвете,
Вновь слепого увели,
И сожгли страницы эти,
Но потомки их прочли,
Потому что было Слово,
И в воздушную тетрадь
Он иголкою еловой
Приспособился писать.

⁴² *Опять... Опять* – Баркову арестовывали и судили три раза, она с перерывами провела в заключение в общей сложности 22 года, это стих периода второй отсидки.

Сверкала морозная чаша,
Когда кочевали вдвоем
Слепое несчастье ваше
И зоркое горе мое.

Споткнуться на каменной глыбе ль,
В сугробы ли замертво пасть?
Лихая колымская гибель
Над нами разинула пасть.

Считаться родством мы не будем,
Считать мы не будем корысть;
Спасли вы, отпетые люди,
Мою пропадавшую жисть.

По слову седого бандита
Меня усадили к костру;
Воровка ворчала сердито:
– Дай руки-то снегом потру!

Гулящие девочки чаем
Старались меня отогреть:
– Вы пейте. Мы сроки кончаем,
А вам еще сколько терпеть!

И в беглом пустом замечанье
Горячая жалость была...
А звезды в великом молчанье
Смотрели на наши дела.

Елена Тагер⁴³, Бийск, 1950 г.

⁴³ Тагер арестовывали и судили три раза. Этот стих поэтесса написала после второй отсидки в Колыме, когда жила на поселении в Бийске; в центральные города СССР въезд ей был запрещен. Через год, в 1951 году, Тагер арестовали в третий раз и выслали в Северный Казахстан.

Стихи, написанные «большевичками» – партийными, коммунистками, которое в заключении оставались *прежним любимым знаменам верны*:

Наш круг все слабее и реже, друзья,
Прощанья все чаще и чаще...
За завтрашний день поручиться нельзя,
И даже за день настоящий.

И в эти тяжелые, страшные дни,
В чреде их неверной и лживой,
Так хочется верить, что мы не одни,
Услышать из мрака: «Мы живы».

Мы прежним любимым знаменам верны,
И даже под небом ненастья
По-прежнему меряем счастьем страны
Свое отлетевшее счастье...

И пусть безнадежен мой путь и кровав –
Мои не смолкают призывы.
Кричу я, последние силы собрав:
«Мы живы, товарищ, мы живы!»

Елена Владимировна, неизвестно

Или вот: Анна Ларина, вдова видного партийного деятеля Николая Бухарина, первое время, несмотря на арест, оставалась верна идеям революции. Еще в тюрьме она сочинила стихотворение, посвященное годовщине Октябрьской революции:

Но хоть за решеткой тоскливой
Бывает обидно порой,
Я праздную вместе с счастливой,
Родною моею страной.
Сегодня я верю в иное,
Что в жизнь я снова войду,
И вместе с родным комсомолом
По площади Красной пройду!

В тюрьме, она читала стихотворение женам старых большевиков, и «оно вызвало их одобрение и аплодисменты, трогало до слез». Позднее Ларина назвала эти строки «бредом сумасшедшего».⁴⁴ (ещё смотри историю поэтессы Клавдии Черкашиной в конце раздела *и наступит твое окончание*: отношения с самой собой).

⁴⁴ Эплбаум Э. Гулаг. М., 2022.

Основная масса женщин в лагерях несла свою судьбу и страдание как стихийное бедствие не пытаясь разобраться в причинах. <...> Но тем, кто находил для себя какое-то объяснение происходящего и верил в него, было легче». Среди тех, кто находил объяснение, заметнее других были коммунисты, по-прежнему заявлявшие о своей невинности и преданности Советскому Союзу, по-прежнему верившие, вопреки очевидности, что все прочие заключенные – враги, которых следует избегать. Воспоминания о «большевичках»: «Они находили друг друга и держались вместе, потому что они были чистые советские люди, а все остальные были преступники». Или: «В своем углу сидят москвички, которые друг другу объясняют, что мы, конечно, честные советские люди, что мы, конечно, коммунисты, да здравствует Сталин, мы, конечно, ни в чем не виноваты, и наше родное правительство разберется и нас выпустит, а это все враги.⁴⁵

Лирические героини поэтессы-большевички Натальи Ануфриевой в многочисленных стихах признаются в принятии «перегибов», в избранности и даже необходимости своего статуса жертвы режима. Выбрали для вас одно из самых ярких стихотворений поэтессы, обратите внимание на эпиграф:

Весны не будет и не надо.
Александр Блок

Всё снежно, чисто и бело...
О, пусть не вернётся весна!
Я верю: в суровом «к расстрелу»
Глубокая есть тишина.

Путь страшный люблю горячо я
И с этой любовью умру...
Гори ж, моё сердце, свечою
На зимнем холодном ветру!

И в скорби предсмертной без меры,
Пронзающей душу до дна,
Есть радость погибших за веру,
Казнимых во все времена.

Я верю, я скоро у цели...
И зимние ветры поют
О снежной моей колыбели,
О звёздах, о встречах в раю.

И жду я, чтоб ветры задули
Последнюю искру огня,
А сердцу смертельную пулю
Так просто, так сладко принять.

Наталья Ануфриева, Ярославль, 1938 г.

⁴⁵ Там же.

Из сотен тысяч людей, которые проходят по лагерной статистике как политические, громадное большинство не были ни диссидентами, ни священниками, отправляющими тайные службы, ни даже партийными деятелями. Это были рядовые люди, подхваченные волной массовых арестов и зачастую не имевшие ярко выраженных политических взглядов. Ольга Адамова-Слиозберг, до ГУЛАГа работавшая в Москве в одном из промышленных наркоматов, писала: «До ареста у меня была стандартная жизнь беспартийной интеллигентной советской женщины. Я не отличалась особой активностью в общественных делах, добросовестно работала. Основные интересы были в кругу моей семьи».⁴⁶

В 1922 году в числе многих других эсеров Бабины были арестованы и после Бутырской тюрьмы и суда высланы. Во второй половине 20-х годов вернулась в Москву; вновь арестована Берта Бабина была в 1937 году и провела на Колыме 17 лет:

Милый друг, когда, пройдя зенит,
Наше солнце станет гаснуть хмуро,
Сами оборвем гнилую нить,
Взяв пример с Лафарга и Лауры⁴⁷.

Жарко-жарко натоплю я печь,
Окна плотно ставнями прикрою,
И тихонько мы пойдем прилечь,
Письмами знакомых успокоив...

Не года глухой и злой тоски,
За ошибками явившиеся следом, –
Сны покажут, яркие и легки,
Только дни, когда мы шли к победам...

И, склоняясь к твоему плечу –
Где мне было радостней на свете! –
Я с тобою вместе полечу
К никогда не виданной планете!..

Берта Бабина, февраль 1933 г.

Это была жизнь со всем ее счастьем и со всей горечью, с ошибками и достижениями, с трудными испытаниями и частыми расставаниями. И она, эта жизнь, длилась почти четверть века, пока не была оборвана руками тех, кто когда-то также считали себя носителями нашей общей великой мечты, а потом убили ее живую душу и погибли от рук и своих и наших палачей».⁴⁸

⁴⁶ Эшплбаум Э. Гулаг. М., 2022.

⁴⁷ Поль Лафарг – один из крупных марксистских теоретиков. Лаура Лафарг (Маркс) – деятельница французского социалистического движения, дочь Карла Маркса. Супруги не раз заявляли, что когда они будут уже не в состоянии чем-либо помочь движению, которому посвятили свою жизнь, то покончат жизнь самоубийством. Так они и поступили в 1911 г. – Лауре было 66 лет, Полю 69 лет – приняв цианистый калий. На их похоронах в Париже надгробную речь произнёс Ленин.

⁴⁸ Бабина-Невская Б. А. Первая тюрьма (февраль 1922 года)//Доднесь тяготееет. Вып. 1: Записки вашей современницы. М., 1989.

День мой в труде тяжелом,
С лопатой в руках течет,
А мысли летят, как пчелы,
С цветов собирая мед.
Весенние перья солнца
На комья земли падают,
Цветы раскрывают донца,
И все это – радует.
Но кругом – человеческие лица
Молчаливы, как морды животных,
Оттого по ночам мне не спится,
Я лоб оттираю потный.

Нина Гаген-Торн, Потьма, 1948 г.

Стою у пропасти бездонной,
Тупо и властно тянется бездна.
Дышу, кажется, спокойно и ровно,
Впрочем – поговорим серьезно:
Жизнь совершенно бессмысленна,
Как клочок волос на лысине.
Любовь?! Дружба?! Ах, бросьте!
Меньше дряни будет на совести.
Рядом кому-то бьют морду.
Не правда ли, человек – это звучит гордо?
Летит большая птица, виднеется длинный клюв,
Повеяло утренней свежестью.
И вот
Воды не замутив, травы не шелохнув,
Неслышно подошла надежда.

Елена Ильзен-Грин, неизвестно

Маленький Эрос с подбитым крылом: отношения между заключенными

Любовь – вечная главная тема поэзии, это мириады рифм, тысячи образов, сотни сюжетов. Стихи любовной лагерной лирики написаны нарочно безыскусно, в них нет утонченных метафор, но простота стиха здесь особая, о сути: сюжеты о формах любви в лагерях и гимны этому чувству.

Это самое метафоричное стихотворение, которое мы нашли: тут каждый образ одновременно и эротичен, и страшен в своей обреченности.

БАРАК НОЧЬЮ

Хвост саламандры синее на углях,
Каплями с бревен стекает смола,
Лампочки глаз, напряженный и круглый,
Щупает тени в далеких углах.

Чья-то ладонь в темноте выступает,
Дышит тяжелыми ребрами дом.
Бьется, как птица под крышей сарая,
Маленький Эрос с подбитым крылом.

Нина Гаген-Торн, Колыма, 1939 г.

Советуем прочитать постмодернистский роман Марины Палей «Дань саламандре. Петербургский роман»: одновременно и тонкий, и закрученный текст, который по стечению обстоятельств (в том числе потому, что традиционно постмодернистский текст считается мужским письмом) прошёл почти незамеченным.

Саламандра – символ алхимического процесса обжига, так она живет в огне и питается огнем. В древности верили, что саламандры способны жить в огне, поскольку у них очень холодное тело - так саламандра стала символом борьбы с плотскими желаниями. Поскольку амфибия считалась бесполом существом, она также символизировала целомудрие, а в христианском искусстве обозначала стойкую приверженность вере и добродетельность.

Я

Голос хриплый и грубый, –
Ни сладко шептать, ни петь.
Немножко синие губы,
Морщин причудливых сеть.
А тело? Кожа да кости,
Прижмусь – могу ушибить,
А все же: сомненья бросьте,
Все это можно любить.
Как любят острую водку, –
Противно, но жжет огнем,
Сжигает мозги и глотку
И делает смерда царем.
Как любят корку гнилую
В голодный чудовищный год, –
Так любят меня – и целуют
Мой синий и черствый рот.

Анна Баркова, 1954 г.

НОЧНЫЕ ШОРОХИ

О них говорят грубо,
Им приговор один,
Тем, кто целует в губы
Подруг, как целуют мужчин.
И мне – не вырвать же уши! –
Глухому завидуя пню,
И мне приходится слушать
В бараке их воркотню.

Знать, так уже плоть доконала,
Так душу загрызла тоска,
Что, чья бы рука ни ласкала,
Лишь бы ласкала рука.
Им тыкали в грудь лопаткой⁴⁹,
Считая пятёрки в строю,
Они волокли по этапам
Проклятую юность свою.

И ты, не бывший в их шкуре,
Заткнись, замолчи, застынь,
Оставлена гордость в БУРе⁵⁰,
Утерян на обыске стыд.
Лёгко быть чистым и добрым,
Пока не попал на дно.
Тем, что у них всё отобрано,
Тем всё и разрешено.

Да, лагерный срок не вечен.
Но где им найдётся дом?
И вряд ли птенец искалеченный
Способен построить гнездо.
Ночами, слушая шорох
(В бараке полутемно),
Я плачу о детях, которым
Родиться не суждено.

Надежда Надеждина, неизвестно

⁴⁹ Во время проверки, пересчитывая заключенных, надзиратель делал отметки на ручной деревянной лопатке.

⁵⁰ БУР – это барак усиленного режима, тюрьма внутри лагеря, куда помещали нарушителей дисциплины.

МИЛЫЙ ЗЕК

Милый зек, я вас любила,
именно такого,
когда увидела я вас
немножко доходного.
Сердце дрогнуло мое
от такого вида
от его голодного
и совсем не модного.
Только он веселый был,
он в тюрьме всегда шутил
и лукаво говорил:
– Ах, навеки полюбил!
Только он веселый был,
говорил, мол, ничего...

А в глазах грустнее грусти
было что-то у него.
Он стоит и ждет мгновенья
взглядом повстречаться,
чтоб кивнуть мне головой,
до утра расстаться.
А я вся иду в песке
и с лопатой на плече,
в ботсах сорок пятого,
платье все залатано.
Но он любил меня такую –
немножко доходную,
почти всегда голодную
и совсем немодную.

Светлана Шилова, неизвестно

СОСНА

Когда я, думая о своей судьбе,
Когда я, думая о любви к тебе,
К тому, кто мне написать боится,
Я вспоминаю сосну – по дороге на озеро Рица.
Автобус медленно поднимался в горы.
Болтали, смеялись, шутили, острили.
Мне скучно, когда о любви начинают споры
Люди, которые, кроме себя, никого никогда не
любили.
Я глядела по сторонам, боясь, что от скуки
засну,
И вдруг неожиданно в горной теснине,
Где солнца луч не бывал и в помине,
Где свет всегда по-вечернему синий,
Я увидела эту сосну.
Она показалась мне птицей.
И правда: в ствола повороте,
В размахе по-птичьи парящих над бездной ветвей,
Так явственно было, что здесь, на обрыве, ей
Держаться, в сущности, не за что,
и дерево это в полёте.
Вот и мне уже не за что уцепиться.
Это я не затем, чтоб тебя упрекнуть.
Просто: будешь, случится, на озере Рица –
Посмотри на эту сосну.

Надежда Надеждина, неизвестно

Загон для человеческой скотины.
Сюда вошел – не торопись назад.
Здесь комнат нет. Убогие кабины.
На нарах бирки. На плечах – бушлат.
И воровская судорога встречи,
Случайной встречи, где-то там, в сенях.
Без слова, без любви. К чему здесь речи?
Осудит лишь скопец⁵¹ или монах.
На вахте есть кабина для свиданий,
С циничной шуткой ставят там кровать:
Здесь арестантке, бедному созданию,
Позволено с законным мужем спать.
Страна святого пафоса и стройки,
Возможно ли страшней и проще пасть –
Возможно ли на этой подлой койке
Растлить навек супружескую страсть!
Под хохот, улюлюканье и свисты,
По разрешенью злого подлеца...
Нет, лучше, лучше откровенный выстрел,
Так честно пробивающий сердца.

Анна Баркова, 1955 г.

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю. И меня не исправите.
Хоть какой кислотой не трави,
Но не вытравить мне из памяти
Этот терпкий привкус любви.
Ты – мое окаянное чудо.
Жжется рана искусанных губ.
От всего отрекусь, все забуду,
Но проститься с тобой не могу.
Я зерно, растертое жерновами.
Все мое, что осталось, – в тебе.
За семьдесятю синевами
Не предай меня, не добей!
Слышишь: проволокой оплетенная –
Каждый шип, что ворона клюв –
Здесь при жизни, захороненная,
Я люблю тебя. Я люблю.

Надежда Надеждина, неизвестно

⁵¹ Скопец – человек, подвергшийся кастрации.

БЕЗЫМЯННАЯ МОГИЛА

(Песня)

Укатала особая тройка⁵²,
Закатила в свои лагеря
И заочно меня окрестила:
Вместо имени номер дала.

И ходила я там, стеная,
Ах, за что мне такая судьба?
Я совсем ведь еще молодая,
А на воле бушует весна...

Но любовь тоже ходит по тюрьмам,
Зажигая собою сердца,
И я – двести тридцать четыре,
Полюбила шестьсот тридцать два.

А любовь в тюрьме – нежней,
А любовь в тюрьме – светлей,
Потому что там ей больней,
Потому что там ей трудней.

А кругом лишь одни сторожа,
Целоваться с любимым нельзя.
Мы дарили улыбки свои...
И писали стихи о любви.

Но над нами звезда холодна...
Раскрутились тюрьмы жернова,
Он истаял, сгинул, мой милый,
Не дождался свободного дня.

А любовь я свою затаила,
Золотым я ключом заперла...
И лежит в безымянной могиле
Мой любимый – шестьсот тридцать два.

А любовь в тюрьме – нежней,
А любовь в тюрьме – светлей,
Потому что там ей больней,
Потому что там ей трудней.

Светлана Шилова, неизвестно

⁵²Уже встречали упоминание тройки в стихотворении другой поэтессы.

Надо мной раскаленный шатер Казахстана,
Бесконечная степь колосится вдали,
Но куда ни пойду я – тебя не застану,
Рассказать о тебе не хотят ковыли.

Вырываю часами бурьян и осоку,
Чтобы колос пшеницы налился зерном,
Облака проплывают дорогой высокой,
Только нам улететь не придется вдвоем.

Только нам, мой любимый, дороги заказаны,
Даже ветер, и тот не приносит покой.
Я иду по степи без тебя, синеглазый мой,
Крепко сердце сжимая горячей рукой.

Я иду по степи. Здесь ни речки, ни бора,
Но и здесь своей Родины воздух я пью.
Я о воле с травой веду разговоры,
Ковылям о тебе и о детях пою.

Нам не верит страна. Ни единый прохожий
Нам навстречу ответной улыбки не шлет.
Нам не верит страна! Что же делать, мой любимый!
Как же ей доказать, что мы сердцем чисты?

Я иду по степи, ветер жжет мои губы.
Не привычно и пряно здесь пахнут цветы.
Так сожми ж, как и я, свое сердце руками,
И глаза, проходя, осуши на ветру.

Чем сильнее собираются тучи над нами,
Тем быстрее их ветер разгонит к утру.
Выше голову, милый! Я ждать не устану.
Моя совесть чиста, хоть одежда в пыли.

Надо мной – раскаленный шатер Казахстана,
Бесконечная степь колосится вдали.

Софья Солунова, неизвестно

МАЙ В ГУЛАГе

И были золотые дни в ГУЛАГе,
когда на май гулял конвой
и надзиратель-бедолага
сидел на вахте весь смурной.

На заколоченном причале
резвились все мы, как могли,
и через проволоку кричали
о вечной дружбе и любви!

Когда свиданье назначали
с занумерованным дружкой,
мы нашу робу украшали
природным желтеньким цветком.

А солнце слало всю неделю
свои нам жаркие лучи,
и долго, долго не темнели
те майские златые дни...

На черном лагерном накале
те дни – как сладкий белый хлеб,
нам ненадолго выпадали
от незадавшихся судеб...

Светлана Шилова, Потьма, 1952 г.

Как дух наш горестный живуч,
А сердце жадное лукаво!
Поэзии звенящий ключ
Пробьётся в глубине канавы.

В каком-то нищенском краю
Цинги, болот, оград колючих
Люблю и о любви пою
Одну из песен самых лучших.

Анна Баркова, 1955 г.

И наступит твое окончание: отношения с самой собой

Подборка стихов, которые расскажут о различных чувствах лирических героинь-узниц лагерей. Это диалоги нас, читательниц, с поэтессами и их героинями – душеспасительны.

Тугим клубком схлестнулись тела
То ли в драке, то ли в любви.
Встает заря алым-ала.
Глухо все. На помощь не зови.
Тузят друг друга что есть силы.
Хрустнула. Чей-то зуб, вероятно, сломан.
И вот из клубка высунулось свиное рыло
И хрюкнуло: “Ессе Номо⁵³!”
Мы-то знаем, что нет Парижа,
Что не существует Египта,
Что только в сказках океан лижет
Берега, солнцем облитые.
А существует только
Страшная, как бред алкоголика,
Воркута.
Здесь нам век коротать.

Елена Ильзен-Грин, неизвестно

Отрицание. Утверждение.
Утверждение. Отрицание.
Споры истины с заблуждением
Звезд насмешливое мерцание.
Ложь вчерашняя станет истиной,
Ложью истина станет вчерашняя.
Все зачеркнуто, все записано,
И осмеяно, и украшено.
В тяжком приступе отвращения
Наконец ты захочешь молчания,
Ты захочешь времен прекращения,
И наступит твое окончание.
В мертвом теле окостенение,
Это мертвым прилично и свойственно,
В мертвом взгляде все то же сомнение
И насильственное спокойствие.

⁵³ Ессе homo (букв. «вот человек; это человек»; ц.-слав. «се человек») — слова Понтия Пилата об Иисусе Христе. Выражение, с которым, согласно Евангелию от Иоанна, прокуратор Иудеи Понтий Пилат показал народу Иерусалима после бичевания Иисуса Христа, одетого в багряницу и увенчанного терновым венцом, желая возбудить сострадание толпы.

ЗАВИСТЬ

Они летят. Они летят на юг.
А я осталась,
подстреленная птица, на земле.
Я вижу молодость свою
В застывшей мгле.
На синем юге, на далеком юге
Купаются в живительном огне
Мои крылатые подруги.
Какой холодный снег...

Ольга Адамова-Слиозберг, Колыма, 1939 г.

Солдатским письмом треугольным
В небе стая.
Это гуси на сторону вольную
Улетают.

Шёлком воздух рвётся под крыльями.
Спасибо, что хоть погостили вы.
Летите, летите, милые!

На письме – сургучовой печатью
Солнце красное.
Унесите его на счастье вы –
Дело ясное.

Нам останется ночь полярная,
Изба чёрная, жизнь угарная,
Как клеймо на плече позорная,
Поселенская, поднадзорная.

На такую жизнь не позарюсь я,
Лучше трижды оземь ударюсь я,
Птицей серую обернусь,
Полечу – назад не вернусь –
Погодите, я с вами, гуси.

Ариадна Эфрон, 1949 г.

Тихо пальцы опускаю
В снов синеющую воду.
Снег весенний в полдень тает,
Оседая – пахнет мёдом.
По лесам проходят тени,
Улыбаясь дальним склонам.
В неба колокол весенний
Солнца бьёт широким звоном.
Я сижу, смежив ресницы,
В пальцах сны перебирая,
И душа тяжёлой птицей
К небу крылья подымает.

Нина Гаген-Торн, 20 мая 1939 г.

Я живу как во сне.
Вкруг меня и во мне
Этот тусклый, рассеянный свет без теней.
Много дней, много дней, много дней.

Слышу шум за стеной осторожных
шагов,
Да задушенный шепот глухих голосов,
Да еще иногда громыханье замка,
Да шуршанье проклятых волчков.

Я живу как во сне,
И мерещится мне,
Что лежу я на илистом дне,
Под холодной, тяжелой, зеленой водой,
И плывут корабли надо мной.

Высоко наверху волны бьют в берега,
Летом солнце палит, а зимою снега,
Ветер ярко кружит по волне...
Но царит тишина в глубине.

Высоко наверху моя бедная мать
Не устанет меня громким голосом звать,
Громкий голос доходит до самого дна,
Где в бессилье лежу я одна.

Мама, дочку свою не зови, не томи,
Мама, бедное сердце уйми!
Не могу я проснуться, здесь нечем
дышать,
Не терзай себя, бедная мать!

Я живу как во сне.
Вкруг меня и во мне
Этот тусклый, рассеянный свет без теней.
Много дней, много дней, много дней.

Ольга Адамова-Слюзберг, Казанская тюрьма, 1938 г.

Оплавает свеча. Наклонился
Огонек и глядит во тьму.
Значит, мир мне только приснился
Или я приснилась ему?

Все равно. Бесплодные муки
Дымной тучей лежат позади,
И родимой кроткие руки
Призывают, манят: «Приди!»

Я иду. Податель Забвенья,
Умудри меня, научи!
Да коснется Твое дуновенье
Огонька оплывшей свечи!

Елена Тагер, конец 1951 г.

Все понятнее свобода,
Все доступнее покой...
Ты в себя уйди, как в воду
Погружаясь с головой.
Там, под темными пластами,
Плавай, щупая песок...
Глубже... Сны пошли кругами...
Глубже... Мысли поплавок
Где-то сверху там молчанье.
Но прозрачность – холодна.
Красным окунем сознанье
Поднимается со дна.

Нина Гаген-Торн, Потьма, 10-ый лагпункт, 1949 г.

Так смертник по камере мечется
Так зверь, угодивши в капкан,
Железо грызет и калечится
И гибнет от яростных ран.
Когда же на миг он забудется,
Ему, потрясенному сном,
Вечернее озеро чудится
В смолистом безлюдье лесном.
И алая, алая, алая
Струится вода в камыше,
И льнет тишина запоздалая
К его оглушенной душе.

Елена Тагер, Северный Казахстан, 1952 г.

БЕССОННИЦА

Беспокойная белая ночь,
Тени башен на окна нависли.
Я устала в мозгу ворочать,
Точно камни, тяжкие мысли.
Когда сердце, искавшее чувств,
Настоящей тоски не знало,
Мне изысканной нежной грустью
Было сладко себя печалить.
А теперь в душе тревожной
Слишком много запретных мест.
Лодку мыслей веду осторожно,
Чтоб на риф или мель не сесть.
Только вспомнишь о дальнем мире,
Точно жало до сердца дотронется.
Меж камней осторожно лавируя,
И себя вывожу из бессонницы.
Жажда жизни с тоскою борется,
Отгоняя ненужные мысли.
Это значит: большое горе,
Точно жернов, на шее повисло.
Это значит, что, стиснув зубы,
Я решила терпеть и ждать...
Чайки стонут тоскливо и грубо.
Ночь проходит.
Надо спать.

Ольга Адамова-Слюзберг, Соловки, 1937 г.

Печку мою топлю золотыми дровами,
Ярок и жарок ее звенящий костер,
Полярная ночь цветет ожившими снами,
К алым поленьям приник очарованный взор.
Первый мой сон – сон о далеких детях,
Свежий и нежный, как первые вешние дни,
Чаша полна! – Как я богата на свете,
Зная, что где-то сейчас подрастают они...
Сон мой второй – сон о грядущей воле,
Буйный и алый, словно кипящая кровь,
Вижу – толпится народ на зеленом поле,
Слышу все ближе радостный гул голосов.
Третий мой сон – сердца глухие удары! –
Боль о далеком, бред безнадежных ночей,
Вот он со мной – в душном дыхании жара,
Вот он живой – в трепете синих огней!
В полумертвый, дикий край неволи
Брызги пестрой жизни принесет
И опять знакомой острой болью,
Как волною, душу захлестнет!..

Берта Бабина, неизвестно

ДОЧЕРИ

Ты цвела, золотой мой лютик,
Как цветок на стройном стебле.
Про тебя говорили люди,
Что легко ты пройдешь по земле.
Я легко тебя родила
И вскормила тебя без труда.
Оттого тебя и любила
Я легкой любовью тогда.
Но полмира легло между нами,
И приходишь ты только во сне.

Голубыми большими глазами
Ты светло улыбаешься мне.
И походкою быстрой и легкой
Это снится мне каждую ночь –
Темно-русой кивнув головкой,
Беззаботно уходишь прочь.
Нету голоса, нету силы
Воротить тебя, удержать...
Вот теперь тебя полюбила
Настоящей любовью мать.

Ольга Адамова-Слюзберг, неизвестно

КИНО

Новое время стучится в окно:
В столовой показывают кино.
Но нам ни к чему слезливые драмы,
Как кавалеров любили дамы.
Хроника – это дело другое.
Киножурнал не дает нам покоя.
Бывает, что на экране встанет
То переулок, то полустанок,
Бывает, просто мохнатая елка
У магазина в центре поселка,
Но кто-то эту елку узнал –
Пронзительный вопль прорезает зал.
Волнение растет все сильнее и сильнее,
Когда на экране – лица детей.
Ведь те, кто пришли посмотреть кино,
Детей не видели очень давно.
Они лишились, утратив свободу,
Права, дарованного природой
Каждой особи женской на свете,
Кто проживает на нашей планете:
Женщине, кошке, корове, тигрице –
Права рожать, котиться, телиться.
В ответ на детское щебетанье
В зале глухие звучат рыдания.
В девственнице стонет живот,
Ей не придется продолжить свой род.
У молодницы тоскуют груди,
В них молока для ребенка не будет.
У всех, кто постарше, руки кричат:
Им так бы хотелось качать внучат.
А где же их дочери, где их сыны,
Какие на воле еще рождены?
О них так красиво в газетах писали,
«Цветами жизни» их называли.
«Цветы» по детским домам разместили,
«Цветам» фамилии переменили:
«Забудь отца, и он враг, и мать!»
Кто смеет так детскую душу терзать?!
Как море в часы штормового приboя,
Зрительный зал бушует и воет...
Так, может, напрасно разрешено
В нашей столовой крутить кино?

Надежда Надеждина, неизвестно

На свете есть много мук,
Но горше нет пустоты,
Когда вырвут детей из рук,
И растить их будешь не ты.
Ты живешь.
Но случайный смех,
Детский голос, зовущий мать, –
И память встает о тех,
И ранит тебя опять.
Ран любовных горят края,
Горек запах родных похорон,
Взявшись за руки, скорби стоят –
Все их смоеет река времен.
Но не смыть, не забыть, не залить,
Если отнял детей чужой –
Эта рана всегда горит,
Эта горечь всегда с тобой

Нина Гаген-Торн, неизвестно

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

За окном летят снежинки
В сказочном краю...
То фрау Холле шлёт пушинки
На постель твою.
Пусть Марусе снятся Кошки
Даже здесь... Ведь рай
Не синее, чем в окошке...
Баю-баю-бай!
А когда Господь отнимет
Девочку мою,
Я Его прослаблю имя
В горестном краю.
И в тоске моей напевной
(Баюшки-баю!)
Отлетевшую царевну,
Девочку мою
Я благословлю на чудный,
Светлый, словно рай,
Путь этапный, подвиг трудный...
Баю-баю-бай...
Глуби сна её объемлют,
Девочку мою,
НЕ ЗАБУДУ. (Спит, не внемлет)...
Баюшки-баю!

Анастасия Цветаева, неизвестно

БОГУ

Твоей неправдой наповал
В грудь навывлет не ранена, а убита.
Боже правый,
Насмехайся над моими молитвами,
Детскими, глупыми.
Все обернулось ложью,
Тупо,
Безбожно.
Гляжу растеряно
На круглую злую землю...
Не в Бога я, милый, не верую,
Я мира его не приемлю.

Елена Ильзен-Грин из цикла «Воркута», неизвестно

КОЛЫМА

Мы выходим на рассвете,
Целый день стоим с пилой;
Где-то есть жена и дети,
Дом, свобода и покой.
Мы о них давно забыли –
Только больно ноет грудь.
Целый день мы пилим, пилим
И не можем отдохнуть.
Но и ночью отдых краток:
Только, кажется, прилег
В мерзлом холоде палаток,
Уж опять гудит гудок,
И опять мы начинаем.
Режет ветер, жжет мороз.
В Колыме, я твердо знаю:
Сколько снега, столько слез.

Нина Гаген-Торн, пос. Эльген, Колыма, 1940 г.

РАЗГОВОР СО ЗВЕЗДАМИ

Мир не так просторен и прост,
как казалось ещё вчера,
но спокойствию
учусь у звёзд
в одинокие вечера.

За барачным низким окном
тени синие пролились.
Я весь двор
прошагаю кругом
и смотрю в огромную высь.

Чуть морозит,
и звёзды смелей
начинают со мной разговор.
Жизнь моя? Что сказать о ней?
Подымать ли старинный спор?

Вот в колодце с водой ледяной
отразилась внезапно звезда.
Так бывает теперь
со мной,
так надежда мелькнет иногда.

Приглушён здесь голос и взгляд.
И в самой тишине –
непокой,
часовые на вышках стоят
над бессильной нашей тоской.

И огромный серый паук
ткёт узор обречённых лет...
Или жизнь –
заколдованный круг,
из которого выхода нет?

Даже зверь, в неволе суров,
о квадраты решётки стальной
растирает раны –
и кровь
отмечает след круговой.

Даже пёс – он к цепи привык –
часто воет ночь напролёт...
Как сдержать
беспрестанный крик,
мне изрезавший сжатый рот?

Как поверить,
что надо так,
чтобы честных простых людей
угоняли в холод и мрак
казематов и лагерей?

Как уйти хоть на миг, на час,
если мы остаёмся людьми,
от бездомных
загнанных глаз
матерей, разлучённых с детьми?

Как решить неотступный вопрос:
кто ответит: «Зачем? За что?
Что же случилось, что стряслось
с нашей Родиной, с нашей
мечтой?»
Угасает созвездий игра,
звонче шаг по мёрзлой земле...
Одинокие вечера,
вечера в затерянной мгле!..

Мария Терентьева, 1939 г.

ТЫ, МАМА, ТОЛЬКО ТЫ!

Что медицина? – Детская игра...
Раз в кровь твою проникнула зараза,
Ты осуждён, ты будешь умирать,
Но медленно, мучительно, не сразу.
Боль будет жечь, сверлить, пилить, молотить,
И вопль костей одна лишь смерть заглушит.
Но если страшно умирает плоть,
Ещё страшнее умирают души.

Ты никто – вошь! Все властны над тобой.
Подъем! Отбой! Кому сказано: стой!
Прятала в наволочке своё барахло,
В домашней рубашке родное тепло.
Надзор выгнал на двор: шмон!
Всё, что берёг, – под сапог!
Всё, что твоё, – вон!
А издеваться как падки!

Хочет – обыщет тебя солдатка:
«Ноги раздвинь, рот раскрой!»
Как не потешиться над тобой!
Хочет цензор – письма сожжет,
Хочет опер – в карцер пошлет.
Хочет, хочет, хочет! – Как спорт!

«Это вам лагерь, а не курорт! –
Люди? А разве вы ими были? –
Не навредили б, не посадили. –
Раз посадили, своё заслужили...»
Каждое слово стегает, как плеть.
Как тут душе не помереть.

Овчарки на поводках рвутся и воют;
«Бригада! В полное подчиненье конвою!
В случае неподчиненья стреляем без предупреждения».
И полночь так же мне страшна, как день.
Я щупаю свою сухую кожу.

Кто я? Статья? Пункт? Номер? Или тень?
Урод, на человека не похожий?
Быть может, я совсем и не была.
И мне приснилось всё, что было прежде...
Нет, не друзья – ты, мама, ты одна
Моя последняя надежда.
Ты – та, которая мне жизнь дала,
Скажи им всем, бесчувственному люду,
Скажи им всем, что я была.
Что я была, и есть, и буду!

Надежда Надеждина, неизвестно

МУЗЫКА

Было в бараке темно и скученно,
Многие после работы спали,
А пальцы мои исполняли беззвучно
Концерт Чайковского на одеяле.

По нарам пальцы мои летели,
И в них восторг, протест и терпенье...
Мне слышалось не завыванье метели,
А первый гром – торжество избавленья.

Метель шагала от края до края,
Шагала, сугробами укрывая.
Мне слышалось, где-то скрипки звучали
И, будто в апреле, капли стучали.

Сверкали люстры в концертном зале,
Немая музыка каждый вечер
Меня, как птицу, ввысь поднимала
И вниз, и вниз бросала, калеча.

Не трикотаж распускать, не нити
Вязать, крутить крестом и на пальцах, –
Меня по волнам судеб, событий
Несли уже сумасшедшие пальцы.

И я гребла локтями, ладонями
Против течения, против течения,
Чтобы, пробив пространства ледовые,
Музыка вырвалась из заточения.

Мария Терентьева, неизвестно

ГИТАРА

Звон гитары за стеной фанерной,
Рая весть в трехмерности аду.
Это все, что от четырехмерной
Мне еще звучит. В немом ладу
Со струями струй, луна литая
Лейкой льет ледяные лучи
На картину, что я с детства знаю:
«Меньшиков в Березове». Молчи, –
Слушай эту песню за стеною,
Дрожью пальца на одной струне,
Так поют, что я сейчас завою
На луну, как пес. И что луне
Нестерпимо плыть над лагерями.
Вшами отливает пепел туч
Оттого, что поскользнувшись, в яме
Ледяной лежу, и что могуч
На картине Меньшиков⁵⁴ надменный,
Дочь кувшинкою цветет в реке
Кротости, и взор ее вселенную
Держит, словно яблоко в руке!
Замирает палец над струною,
Ночь слетает раненой совой, –
На луну, как пес я не завою,
Мне тоски не заболеть запоем, –
Под луною нынче, пес, не вой!
Звон гитары за стеной фанерной –
Рая весть в трехмерности аду.
Это все, что от четырехмерной –
С тихой вечностью в ладу.

Анастасия Цветаева, неизвестно

⁵⁴ «Меншиков в Берёзове» В. И. Суриков, 1883 г. Граф **Меньшиков** Александр – первый Санкт-Петербургский генерал-губернатор. При Екатерине I – первый сенатор, первый член Верховного тайного совета, при Петре II – генералиссимус всех войск. Подвергся опале, лишён имущества и титулов. Был сослан с семьёй в Сибирь, где через полтора года умер.

СЧАСТЬЕ

Разговор о счастье в бараке ночью.
Первая шёпотом, чтоб соседей не разбудить:
– Счастье – это дорога. Идём и хохочем.
С птицами песни поём, какие захочем.
И за нами никто не следит. –
Потом заскрипели нары; заговорила другая:
– Смотрите, вот руки, как их от стужи свело!
Будь прокляты эти дороги, от них я седея!
Будь прокляты эти дороги... Зато хорошо я знаю,
Зато хорошо я знаю, что счастье – это тепло.
Тепло от печки, которая топится в доме,
Тепло от ребёнка, хотя бы родить на соломе.
Тепло от налитого силой мужского плеча.
И если на этом плече я выплачусь до рассвета,
То, может, поверю: песня ещё не спета.
Может, поверю: жизнь можно снова начать.
А третья сказала: – К чему так долго судачить?
Собакализывать раны в овраг залезает глухой.
А я уже так устала, что не смеюсь и не плачу.
А я уже так устала, что кажется мне по-собачьи,
Что счастье – это овраг, заросший густой травой.
Овраг, где хотя бы минуту можно побыть одной.

Надежда Надеждина, неизвестно

Как в ножны ложится, не споря,
Привычное к ним лезвиё,
Так входит привычное горе
В покорное сердце мое.
Я знаю, что сердце – не камень,
Не серый холодный гранит;
Сожму его крепче руками –
И пусть себе горе хранит.

Елена Тагер, Северный Казахстан, 1954 г.

Сквозная тема стихов ниже – тема смерти: *Ты осуждена, ты будешь умирать.*

В переживаниях, в процессе поиска ответов на вопросы лирические героини умирают или как *подстреленные птицы* на земле, где *сколько снега, столько слез*, или как собаки, которые *зализывают раны* в одиночестве *в овраге глухом*. Лирические героини не живут – они попали в *заколдованный круг, из которого выхода нет*. Они существуют в мире снов, из которого не могут *проснуться, здесь нечем дышать*. Они попали в *бред алкоголика*. Или *булыжником на дно*, в глубину, где *царит тишина* *Где в бессилье лежу я одна*.

И, попав в различных формах в мир мертвых, героини перестают жить: *я коченею в снегу; Лучшие трижды оземь ударюсь я, Птицей серую обернуся; Ты захочешь времен прекращения, И наступит твое окончание. В мертвом теле окостенение; лежу я на илистом дне, Под холодной, тяжелой, зеленой водой.*

Но иногда из мира мертвых лирические героини связываются с миром живых, например, отправляют просьбу маме: *Скажи им всем, что я была. Что я была, и есть, и буду*. Или – как в двух следующих стихах – рассуждают о мире живых, выносят ему свою неутешительную оценку:

РЕШЁТКА

Что-то вспыхнуло, замерло, умерло,
Загоревшись до самых звезд.
Отнесли за каким-то номером
На унылый тюремный погост.
Это всё? Или было посмертное
Продолженье какое-нибудь?
Если было, я им пожертвую,
Мне не жалко его ничуть.

Будут старые вина литься,
Прозвучит поминальный тост.
Прах мой, будешь ли ты шевелиться,
Проклинать арестантский погост?
Что за дело мне, что болваны
Зашибут на мне честь и деньгу
И разлягутся на диванах,
Ну, а я коченею в снегу.

Не гнию, распадаясь, не тлею, –
Вековая хранит мерзлота.
И не знают вина и еля
Искаженные смертью уста.
Я – живая – пылала жаждой
К гордой славе, к любви, к вину.
А теперь влюбляется каждый
В отошедшую к вечному сну.

Выпивая бокал за бокалом,
Каждый грустные шепчет слова:
– Жаль, рожденье мое запоздало,
Очень жаль, что она не жива.
Но меня не согреет слава
После смерти в промерзшей мгле.
И лежащим в земле не по нраву
Трепетанье огня на земле.

Анна Баркова, неизвестно

Часы и дни, пространство и движение –
Всё отнято, булыжником на дно.
Но зреет в глубине души освобожденье,
Которого на воле не было дано.
Нет! Воскресенья мёртвых я не чаю,
Возможно, мне придётся здесь истлеть.
Но за решёткой я не отвечаю
За то, что происходит на земле.

Надежда Надеждина, неизвестно

РОССИЙСКАЯ ТОСКА

Хмельная, потогонная,
Ты нам опять близка,
Широкая, бездонная,
Российская тоска.
Мы строили и рушили,
Как малое дитя.
И в карты в наши души
Сам черт играл шутя.
Нет, мы не Божьи дети,
И нас не пустят в рай,
Готовят на том свете
Для нас большой сарай.
Там нары кривобокие,
Не в лад с доской доска,
И там нас ждет широкая
Российская тоска.

Анна Баркова, 13-14 декабря 1974 г.

РЕКА ВОРКУТА

Такая река, такая река –
Будто она во сне.
Черным-черна, и так глубока
Что нету дна на дне.
Воды ее – ледяной свинец.
Ее берега – горы.
На этих горах – безотрадных сердец
Стынут немые укоры.
Берега мертвы.
И река мертва.
Стоит такая тишь,
Что страшно о ней сказать слова.
Об этой реке – молчишь.

Татьяна Леценко-Сухомлина, Воркута, 1951 г.

В 1951 г. в следственной тюрьме в Барнауле после уже третьего ! ареста, Елена Тагер пишет стих:

В скитаньи долгом и бесцельном –
Одна мечта, одна отрада:
Поцеловать в поту смертельном
Святые камни Ленинграда.
И успокоиться в могиле
Не здесь, не на чужом погосте –
Чтоб в ленинградской глине гнили
Мои измученные кости.

Спустя год, находясь уже в ссылке в Северный Казахстане:

Все равно, умру в Ленинграде
И в предсмертном моем бреду
К Воронихинской колоннаде
И к Исакию прибреду. < ... >

Ветер Балтики, ветер детства
К ложу смертному прилетит
И растраченное наследство
Блудной дочери возвратит.

И, последнему вняв желанью,
В неземное летя бытие,
Всадник Медный, коснувшись дланью,
Остановит сердце мое.

...Гвоздь забивает кто-то в ноги мне
и в голову... И вынуть невозможно.
И полнит сердце долгий-долгий звон.
Мы все в гвоздях насквозь – и я, и строфы!
Судьба распята. Дух выходит вон.
И на тайгу упала тень Голгофы.

Леся Белоруска⁵⁵, Теплая долина, 1947 г

⁵⁵ Мы – на русском языке – знаем о Лесе Белоруске лишь из пары воспоминаний, например, из мемуаров Евгении Гинзбург, где она сравнивает талант Леси с талантом Ахматовой и рассказывает, что в лагере стихи Леси Белоруски расходились под псевдонимом Эриния. Мы нашли в сети упоминания о книге стихов Леси, изданной недавно в Беларуси, но ни подробностей издания, ни книги нам не удалось найти. Вы можете попытаться счастье найти больше стихов Леси Белоруски - поделитесь, пожалуйста, с нами находками!

А вот история страшного, умопомрачительного разочарования. Эта история о том, как люди прозревали, как пелена спадала с глаз, как избавлялись от иллюзий, меняли своё мнение, разочаровывались во власти, как открывали глаза на происходящее – выберите сами, как определить этот процесс, мы написали целый ряд синонимов. Зачем написали? Просто из упрямого оптимизма и приятного осознания, что у этого процесса так много синонимов.

И что ж, к стихам. Клавдию Черкашину во время оккупации немцами Беларуси угнали на работу в Германию, где она «тосковала по России, писала стихи, за что угодила в гестапо, а оттуда – в концлагерь Равенсбрюк». Вот некоторые строчки из стихов того времени:

Мне вспомнилась славная песня одна,
«И сердце забилось тревожно»,
Любимая наша, родная страна,
Нам жить без тебя невозможно. <...>

Далеко раздольные наши поля,
Деревни, поселки и села,
Неужто, священная наша земля,
Тебя не увидать нам боле?

Мы гибнем и мрем от тоски и работ,
Но верим мы, чувствуем, знаем:
В войне победит наш советский народ
И страстно Победы желаем!

Спустя два года, в 1944 г. – стихотворение из концлагеря Равенсбрюка под названием «Жить хочу!»:

<...> Нет страданий этих тяжелее,
В жизни нет печальней этих дней,
Смерти нет жесточе и страшнее –
Нет ни холодней, ни голодней.

Безысходность! Все надежды стерла,
Чем утраты наши возместить?..
– Гитлера схватить бы вот за горло
И терзать, душить его, давить!

Все отняли: радости и счастье,
Душу раздавили сапогом,

На устах к врагам одно проклятье,
Скорбь и боль о крае дорогом.

Знаем мы, победа будет наша,
Армия родная победит.
Всему миру свое слово скажет,
Палачам за зверства отомстит.

Будут наслаждаться люди жизнью.
Жить хочу!
Нет, нет! Не умереть!
На мою любимую отчизну
Краешком бы глаза посмотреть...

Клавдии Черкашиной будет суждено вернуться, увидеть любимую отчизну. Но уже в 1949 году ей будет предъявлено обвинение: «добровольно уехала в Германию и работала у них переводчицей. И это при том, – вспоминает она – что мое тогдашнее образование – 9 классов средней школы... Эту нелепицу сменила другая: я – американская шпионка». Приговор 10 лет.

И вот новые стихи из советского лагеря с крамольными вопросами, задать которые породило все то же желание жить:

Мы до сих пор, воистину, не знаем,
По чьей вине гнием или горим
В аду кромешном, рабство проклинаям,
Забывших нежных слов не говорим.

Как дорога свобода за оградой, –
Мне во все горло хочется кричать:
Нам не тюрьму – свободу, волю надо,
Чтобы творить, любить, детей рожать.

Здесь юность опозорена, распята,
Раздавлена, замками заперта.
Режим нарушил – тут ждет расплата:
Вторичный срок или в тюрьме – тюрьма.

В родной стране... Кто нам враги? друзья?
Честны ли все блюстители закона?
И почему их обвинить нельзя?
Что, некому их отстранить от трона?

В улыбке рукоплещет им народ,
До фанатизма преданный, не в меру,
Пуускай заткнут мне грязной тряпкой рот,
Буду хрипеть: «В любовь вождей не верю!»

Август 1951 г.

Ряд риторических вопросов – один из приемов этого стихотворения – представляют собой вопросы, ответы на которые не требуются или не ожидаются в силу их крайней очевидности.

Последнее четверостишие про *рот*, про мотив *говорения*, а следующее стихотворение Черкашиной про мотив *молчания*.

ЗАСТУПНИЦА-РОССИЯ

Пронзили ночь и крик, и стон...
Тени, как призраки, витают,
Собаки гонят нас в вагон,
Несчастных, за ноги хватая.
Такой тяжелый будет путь,
Что можно с жизнью распрощаться.
Везут Россия в твою глубь,
Туда – самим нам не добраться.
<....>
Кому же ты подчинена,
Что всех обиженных и смятых
Везти в телятниках должна,
Как прокаженных и проклятых?
Как верить мы тебе спешим...
Где твои истины святые?
О горе рассказать хотим
Тебе, заступница-Россия.
И может, ты, грехи с нас сняв,
Введешь в чудесный свой заказник.
Не раз нам кто-то обещал
На улице на нашей праздник.
Но ты молчишь... – Иль речь бедна?
Иль песнь последняя пропета? Заступница?!
Ведь ты сама
Ключей проволокой одета...

1949 г.

Божественность образа заступницы-России подкрепляют словосочетание *прокаженные, истины святые* и *снятие грехов*. Но тут же пусть и *чудесный*, но заказник – род заповедника, где находятся под особой охраной растения и животные. И тут уже сильная игра смыслов на столкновении языка религии и лексики экологической: будут охранять и защищать тех, кого привезли как скот...

Мотив молчания – важный мотив этого стиха. Что для вас молчание сейчас? Что противопоставлено молчанию? О чем вы молчите, о чём не молчите и т.д. – множество актуальных вопросов. Можно использовать этот мотив для написания стиха, рассказа и терапевтических страниц текста, когда не думая доверяешь все мысли странице.

За битого небитых двух дают: смерть тирана

Смерть Сталина – это особый мотив в лирике политзаключенных. Это особый момент в жизни миллионов людей, которые жили и за колючей проволокой, и в спецпоселениях, и в мирных городах. Страна замерла, кто в страхе, кто в надежде. «ПОДРАЖАНИЕ АРМЯНСКОМУ» – одно из самых известных стихотворений о Сталине, написанное Ахматовой в 1931-м году:

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?

Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...
Так пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе, и деткам твоим?»

А начиная с 1953 года Анна Андреевна каждое 5 марта будет выпивать коньяк под тосты в кругу друзей, а 5 марта 63-го – десятилетие со смерти Сталина – Ахматова встретит с Бродским и поэтом Найманом, и, по свидетельству последнего, они выпьют три бутылки коньяка. Отмечали 5 марта как «праздник освобождения от ненавистного гнета» и в семье поэтессы Елены Ильзен. В нашем сборнике много её стихотворений. *Мама раскладывала дольки черного хлеба – в память о лагерных пайках, – рассказывает ее дочь Наталья, – а также селедку и картошку, делала из бумаги маленькие вышки, из спичек фрагменты проволочных заграждений. И первый тост был – за освобождение, за то, что тирана уже земля не носит.*⁵⁶

А вот стих о Сталине, который так же заканчивается риторическим вопросом, как и ахматовский:

Хотелось бы полюбоваться,
Как тройка скачет большаком⁵⁷,
Но двое третьего боятся
И разговоры шёпотком.
Те ж, кто в санях и на запятках⁵⁸
Кричат, как встарь: «Пади, пади!»⁵⁹
Не то вожжой ожгут лопатки
Или оглоблей по груди,
Уже кого-то смяли сани...
Он страшно вскрикнул и затих.
«Что шевелишь, ямщик, усами?
Не много ль задавил своих?»⁶⁰

Надежда Надеждина, 1952 г.

⁵⁶ Васюченко И. Елена Ильзен: Художественно-публицистический сборник. Helen Limonova, 2020.

⁵⁷ Большак – в старину, широкая, наезженная дорога, тракт.

⁵⁸ Запятки – в старину, место для слуги на задке кареты, экипажа.

⁵⁹ Пади, пади – крик кучера, разгоняющего пешеходов во время быстрой езды по людным улицам. Пушкин «Евгений Онегин»: «Пади, пади!» – раздался крик; Морозной пылью серебрится Его брововый воротник.

⁶⁰ Последние строчки – отсылка к знаменитому стихотворению Осипа Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), эпиграмма Сталину. Мандельштам не скрывал своего авторства и после ареста и ссылки в Чердынь готовился к расстрелу. Скончался по пути в лагерь Дальлаг в пересыльном лагере Владперпункт в декабре 1938 г.

В стихотворении Надеждиной Россия – гоголевская птица-тройка. Ниже отрывок из 11-ой части поэмы «Мертвые души» – «Тройка», тема которой также история страны. Но акценты в описании движения тройки у поэтессы и писателя разные:

...Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарядит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямицик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затащил песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух. Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства...

Елена Тагер за день до объявления о смерти тирана (о болезни *вождя* было объявлено по радио) написала стихотворение, в котором пророчески предугадала будущую официальную борьбу с культом личности Сталина⁶¹:

И он умирает, как всякий другой.
Часы прозвонили: «Сегодня!»
Он будет лежать простертый, нагой,
Суда ожидая Господня.

Его гениальность растает, как дым,
Под взором иных поколений –
И страшным парадом пройдут перед ним
Друзей оклеветанных тени.

Елена Тагер, Северный Казахстан, 4 марта 1953 г.

⁶¹ Доклад «О культе личности и его последствиях» был зачитан Первым секретарём ЦК КПСС Хрущевым на закрытом заседании XX съезда КПСС, состоявшемся 25 февраля 1956 г.

Рыдал весь Магадан – рыдали и они [женщины в бараке]. Впрочем, иногда, сходясь на кухне, они вдруг прерывали плач и деловито обменивались соображениями насчет того, что же теперь с нами, сиротами, будет. По международным вопросам все сходилось на том, что войны не миновать, потому что нынче и заступиться-то за нас некому. Но насчет внутренних дел стали иногда, вопреки рыданиям, прорываться оптимистические нотки: может, теперь не так будет строго, может, кому и удастся на материк стронуться. <...>

Никто из нас не мог сидеть в эти дни дома. Бродили по улицам. Останавливались при встречах со своими. Озираясь по сторонам, обменивались потаенным блеском глаз, возбужденными шепотами. Все были словно пьяные. У всех кружились головы от предвкушения близких перемен. <...> но уже шутили, повторяя формулу Остапа Бендера «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»⁶².

НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ

Настал конец кромешной славе.
Тиран невиданный угас.
Вы плачете, еще его боясь,
как будто он воскреснуть может

И око грозное поднять на вас.
Так плачь, народ, так много потерявший
Своих сынов и дочерей,
Святыни Родины поправший

И слезы бедных матерей!
Очистись, поднимись,
Ведь ты еще живой,
Народ России дорогой!

Из мудрости народной возникая,
Века пословицы куют.
И есть пословица такая:
«За битого небитых двух дают».⁶³

Светлана Шилова, неизвестно

⁶² Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. АСТ, 2015.

⁶³ *За битого небитых двух дают* - опытный человек, научившийся на своих ошибках, за которые пришлось отвечать или быть наказанным, дороже, ценнее многих неопытных. Говорят, когда понимают, что наказание за допущенные ошибки идет на пользу человеку, потому что так он приобретает опыт.

– Сталин умирает.

Как будто бомба разорвалась. <...> Все, кто был в комнате, обернулись и посмотрели на меня. Я страшно испугалась, что мое лицо выражает что-нибудь не то, что надо, и закрыла его руками. Я дрожала.

Я себе говорила: «Или сейчас, или никогда».

А вдруг все мои великолепные обоснованные расчеты лопнут, как мыльный пузырь?

А вдруг какой-нибудь Маленков, Берия, черт, дьявол поддержит этот колосс и подопрет его ещё миллион трупов? Этак он простоит еще лет двадцать, на мой век и хватит.

Сейчас – или никогда! Я чувствовала, что у меня, дрожат плечи. Потом я услышала о себе разговор: «Какая лицемерка: сделала вид, что плачет, а потом открыла лицо – глаза сухие».

Все ходило как сумасшедшие. Вдруг все заболели бдительностью. Выступил Берия:

– Мы умеем делать дело.

Да, он умеет.

Маленков:

– Пусть помнят враги, внешние и внутренние, что мы не ослабим бдительности.

Я помнила... Мне кажется, что никогда не было так тяжело, как в год смерти Сталина, когда медленно, медленно начинало где-то что-то проясняться и шевелиться⁶⁴.

Нет, не страна и не народ
Безвинных в цепи заковали;
И гнев не против них растет
В сердцах, исполненных печали.
И не народ, и не страна
В припадке злобного проклятья
Сгубили тех, чьи имена
Твердят их сыновья и братья,
С врагом сражаясь за отчизну!
То черный ворон правит тризну...
Черный ворон, злобой черной
Ты преследуешь меня;
Всюду облик твой позорный
Здесь среди ночи и среди дня.
Вся охваченная дрожью,
Узнаю я из газет,
Как опутываешь ложью
Ты людей уж столько лет.
Председатель Совнаркома,
Всех зажал ты в свой кулак;
Ты – страны своей саркома,
Ты – в ее желудке рак!

Нина Сагалович, неизвестно

⁶⁴ Адамова-Слиозберг О. Путь. М., 1993.

Из других воспоминаний⁶⁵: Кажется, как раз в тот день, о котором я рассказываю, мы узнали о смерти Сталина. А может быть, мы узнали о его смерти в другой раз, но опять-таки в очереди. Во всяком случае, мать тогда сказала:

– Наконец-то он сдох...

И мы обе оглянулись.

Уже много лет живу в Москве... Но и теперь с волнением повторяю стихи Елены Тагер, написанные сразу после нашего освобождения:

До нас домчался ветер с юга,
Из края ласковых чудес,
Где не пурга, а просто вьюга,
Где не тайга, а просто лес;
И отступилась, миновалась
Десятилетняя зима,
Та, что у нас именовалась
Колючим словом «Колыма».

Люди перестали спать. Исхудали от перенапряжения, от ежеминутного ожидания невиданных перемен – пишет Гинзбург⁶⁶. Очень любим эту историю из её мемуаров:

Эти наши умозрительные надежды впервые начали облекаться плотью через десять дней после кончины Генералиссимуса, пятнадцатого марта, в день очередной «отметки» ссыльных и поселенцев. Войдя в длинный узкий коридор, где мы обычно стояли нескончаемой шеренгой перед дверями коменданта, я увидела, что вдоль этой знаменитой стены стоит скамейка.

Скамейка! Довольно удобная, со спинкой, вроде садовой. Длинная, человек так на десять. На ней уже сидело четверо, и у всех у них сияли глаза и раздвигались в улыбке губы. Ведь годами, годами стояли-выстаивали мы здесь, подпирая своими спинами и боками грязно-серую, мажущую мелом стену. Годами переминались с ноги на ногу в ожидании, когда откроется перед тобой заветная дверь и хмурый комендант, не поднимая глаз, пристукнет штамп, продолжит твою жизнь на две недели. И вдруг на этом самом месте – скамейка! Со спинкой.

И тут свершилось второе чудо. Торопливо вошли оба наши коменданта, аккуратно закрыли за собой дверь, чтобы не сквозило, и... улыбнулись нам. Правда, это были несколько вымученные улыбки, какие-то неопределенные, с оттенком опасливости. Но все-таки факт оставался фактом: коменданты улыбались. Те самые коменданты, – а их уже много у нас сменилось, – которые неизменно проходили мимо нас, хлопнув входными дверями, напустив в коридор холода и не глядя на нас, с каменными лицами, точно мы были не живые существа, а какие-то детали постройки.

– Проходите, товарищи, – сказал один из комендантов, – вдвоем быстренько отметим вас... Пять человек проходите сразу. А остальные вот тут, на скамейке, посидите, подождите немного.

– Он, кажется, сказал ТОВАРИЩИ? Я не ослышалась? – переспросила поселенка Голубева, знакомая мне по дому Васькова.

– Нет, не ослышалась, – с готовностью ответил старик с синими заплатами.

– Раз скамеечка, то почему бы и не ТОВАРИЩИ! – И, причмокнув губами, со смаком произнес:

– Так сказать, социалистический гуманизм!

Все ответили ему дружным счастливым хохотом... Он весело подмигнул мне мутным склеротическим глазом, а трое остальных захохотали. Смех в комендатуре!

⁶⁵ Аксель Ю. Отцы и дети. М.: Возвращение, 2004.

⁶⁶ Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. АСТ, 2015.

Когда срывались от оваций
Литые люстры с потолков,
Вы не хотели сомневаться
В законности своих оков.

А мы, не почитая богом,
Слепое детище земли,
Себя гулаговским дорогам
Со школьной парты обрekli.

Легко ли детям было верить,
Что их прозрения не лгут,
Что государством правят звери
И правды взрослые бегут?

Все наши мысли были данью
Той долгой гибельной борьбе,
Когда искали оправданья
Ему и вам, а не себе!

Но, подменяя бойней эпос,
Вы вновь, без риска и стыда,
Его клянёте так же слепо,
Как слепо славили тогда.

А мы по-прежнему не вправе,
У новых идиолов в тисках,
В его бесславии и славе,
Черты эпохи отыскать.

И, видя времени приметы
В пути обыденном своём,
Того гляди – в апологеты
Своих тюремщиков пройдем!

Они ушли – и взятки гладки
С увечных душ, с кровавых воль.
Но время требует разгадки,
И память – как зубная боль.

И Минотавра взгляд косящий
Всё так же яростен и дик.
И не отложишь в долгий ящик
Своих прозрений роковых.

Дора Штурман, 1956 г.

Стихотворение тридцатилетней Доры, в котором лирическая героиня переосмысляет события истории, поступки «старших» и напрямую обвиняет тех, кто не хотел сомневаться «в законности своих оков». Но героиня не останавливается на оценке «прошлого», её мысли взглядом провидицы оценивают актуальную современность. Да, в 1956 г. Хрущев заявляет о пагубности культа личности Сталина, его действия нарекают «перегибами». Хотя в итоге оценка Хрущева остается двоякой: с одной стороны, Сталин – революционер, руководитель государства, хотя и совершавший ошибки, с другой – творец репрессий. Начиная с 1964 г. при Брежневе постепенно перестают говорить об «ошибках» Сталина и все чаще говорят о Сталине – главнокомандующем в годы войны, о Сталине – «творце Великой Победы» (реакция на это в стихах политзаключенных в разделе: *память, трепет, пепел – не забудь: жизнь после*).

Так что действительно *прозрения роковые* отложить в *долгий ящик* не получилось.

Вопросам, которые поднимает лирическая героиня Штурман, вторит героиня стихов Барковой:

Где верность какой-то отчизне
И прочность родимых жилищ?
Вот каждый стоит перед жизнью –
Могуч, беспощаден и нищ.

Вспомянем с недоброй улыбкой
Блужданья наивных отцов.
Была роковой ошибкой
Игра дорогих мертвецов.

С покорностью рабскою дружно
Мы вносим кровавый пай
Затем, чтоб построить ненужный
Железобетонный рай.

Живет за окованной дверью
Во тьме наших странных сердец
Служитель безбожных мистерий,
Великий страдалец и лжец.

Анна Баркова, 1953 г.

Бездеятельность и *рабскую покорность* народа, которую клеймят поэтессы, можно увидеть в устойчивой речевой формуле диалогов, которые происходят на перепутье власти в СССР. Как, например, диалог после смерти Сталина:

- *Говорят, Молотов будет...*
- *Вряд ли... Тупица... Может только твердить зады...*
- *Ну и достаточно...*
- *Скорей, Берия...*
- *А тогда как бы еще солонее не было...*
- *Ведь, наверно, есть какой-нибудь документ... Завещание о престолонаследии.*
- *Во всяком случае, вечное поселение отменяют. Вот увидите!*
- *И двадцатипятилетние сроки...*

Время от времени раздавался чей-то совсем сбитого с толку голос: – Как бы хуже не стало...⁶⁷

Этот же диалог воспроизводит Маринина в детективе «Тьма после рассвета»⁶⁸ на застолье после смерти Брежнева:

- *Как думаете, усидит Щелоков? Или его спихнут?*
- *Теперь все отраслевое руководство начнут менять...*
- *Если Черненко придет, то не начнут...*
- *Андропов всех поменяет, у него на каждого руководителя воот такая толстенная папка с компроматом собрана...*
- *А кого на место Щелокова? Кого-то из его замов?*
- *Шансов нет, команду будут менять целиком, никто не удержится...*

Власть и ямщика, который управляет тройкой-Россией, обсуждают в диалогах, пытаюсь угадать кто будет у руля и какая будет жизнь. Мысль о том, что власть нужно выбирать и влиять на политику в стране, невозможна в такой парадигме диалога.

⁶⁷ Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности АСТ, 2015.

⁶⁸ Маринина А. Тьма после рассвета Эксмо, 2022.

Память, трепет, пепел – не забудь: жизнь после

Стихи о возвращении с лагерей. Когда в самом начале работы мы думали о стихах этого раздела сборника, мы предполагали, что стихи будут спокойными, да с долей грусти, но с надеждой на светлое и новое. И да, такие стихи нашлись, но их единицы.

Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили, – писала Анна Ахматова.

Да, лагерный срок не вечен.
Но где им найдётся дом?
И вряд ли птенец искалеченный
Способен построить гнездо.

Как странно тем, кто видел Смерть,
Вернуться в жизнь опять:
Вложить персты в земную твердь
И вкус, и запах ощущать!

Протекали годы буйным золотом,
Рассыпались звонким серебром,
И копейкой медною, расколотой
В мусоре лежали под столом.

Годы бесконечные, мгновенные,
Вы ушли, но не свалились с плеч.
Вы теперь, как жемчуг, драгоценные,
Но теперь мне поздно вас беречь...

Толпой людей, тупых и одичавших,
Мы стиснуты и разъединены.
Мы, видно, не до дна испили чашу
И горя, и неведомой вины.

Анна Баркова, 1954 г.

В стихах, написанных и после возвращения из лагерей, мы продолжаем видеть противопоставление двух миров. Мир лагерей сменился на псевдвольный мир, где несправедливое отношение к бывшим «врагами народа» не заканчивалось. «Непримиримый конфликт двух мировоззрений, в котором противопоставлены отдельные обитатели вольного мира, взявшие на себя право и смелость решать судьбы других, собственно судьбы тех»⁶⁹, кто дожил до возвращения на «Большую землю».

Бытовало «широкое общественное мнение, которое не видела в репрессиях ничего плохого – это в лучшем случае, а в худшем – своим участием (открытым и тайным) поддерживала аресты, расстрелы и посадки»⁷⁰.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

*Хватит с нас этой возни
с реабилитированными...*
Вера Панова

Ну, правильно! Хватит с вас этой возни.
Да хватит и с нас, терпеливых,
И ваших плакатов крикливой мазни,
И книжек типически лживых.
Не выручил случай и Бог нас не спас
От мук незаслуженной кары...
А вы безмятежно делили без нас
Квартиры, листаж, гонорары.
Мы слышали ваш благородный смешок...
Амнистии мы не просили.
Мы наших товарищей клали в мешок
И молча под сопки носили.
Задача для вас оказалась легка:
Дождавшись условного знака,
Добить Мандельштама, предать Пильняка
И слопать живьем Пастернака.
Но вам, подписавшим кровавый контракт,
В веках не дано отразиться,
А мы уцелели. Мы живы. Мы факт.
И с нами придется возиться.

Елена Тагер, Ленинград, 1959 г.

⁶⁹ <https://cyberleninka.ru/article/n/hvatit-s-nas-etoy-vozni-s-reabilitirovannymi-ili-posle-lagerya-v-bolshuyu-zhizn>

⁷⁰ Там же.

Не пишите эпитафий
на погибших в заключение.
Ожидать от вас мы вправе
хоть немного уважения.
Нам не надо полувздохов.
Мы не слов хотим, а дела,
чтоб случившееся с нами
продолженья не имело.

Елена Владимировна, неизвестно

Чтобы горечь, осев у глаз
как плесень на дне колодца,
не раз учила бы нас
Мечтать, пламенеть, бороться.
Чтоб в этих сырых стенах,
где нам обломали крылья,
не свыклись мы, постовав,
с инерцией бессилья.
Чтоб в дебрях тюремных лет
сквозь весь одиночный ужас,
мы не позабыли свет
созвездий, соцветий, содружеств...
чтоб в некий весенний день
возможного все же возврата
нас вдруг не убила сирень
струей своего аромата.

Евгения Гинзбург, неизвестно

Сбылась мечта. До воли дожила.
Детей увидела. В самой Москве была.
Но мало мне. Мне не хватает счастья!
Достатка. Сил. Сердечного участия –
Участия тех, кто не был там, в пурге,
Кто не бывал в крошечной снежной мгле,
Кто не ходил в этапы под конвоем,
Кто не рыдал по детям страшным воем...

Татьяна Лещенко-Сухомлина, Орджоникидзе, 1954 г.

Приснилось мне, что старые друзья
Опомнились, раскаялись, вернулись
И что ко мне, тревожа и дразня,
Приветливые руки протянулись.
И, дружеские руки отстраня,
Я говорю без гнева, без досады:
– Друзья мои, не трогайте меня!
Мне ничего ни от кого не надо.

Елена Тагер, Колыма, 1945 г.

ЭПИЛОГ

Вы знали: над тем, кто получит срок,
Как будто бы волны сомкнулись...
На этот раз вы ошиблись, пророк!
Мы живы, и мы вернулись.
Где вы, палачей усердный пёс,
Привыкших головы скашивать?
Пусть мёртвые вас позовут на допрос,
Пожизненно будут допрашивать.
Я знаю, что это время прошло –
Мании, страха, диктата...
Пусть это будет венок из слов
Погибшим невиноватым.

Надежда Надеждина, неизвестно

Восемь лет, как один годочек,
Исправлялась я, мой дружок.
А теперь гадать бесполезно,
Что во мгле – подъем или бездна.
Улыбаюсь навстречу бедам,
Напеваю что-то нескладно,
Только вместе ни рядом, ни следом
Не пойдешь ты, друг ненаглядный.

Анна Баркова, 1955 г.

Я думала, старость – румяные внуки,
Семейная лампа, веселый уют...
А старость – чужие холодные руки
Небрежный кусок свысока подают.
Я думала, старость – пора урожая,
Итоги работы, трофеи борьбы...
А старость – бездомна, как кошка чужая,
Бесплодна, как грудь истощенной рабы...

Елена Тагер, Колыма, 1947 г.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Героям нашего времени
Не двадцать, не тридцать лет.
Тем не выдержать нашего бремени,
Нет! Мы герои, веку ровесники,
Совпадают у нас шаги.
Мы и жертвы, и провозвестники,
И союзники, и враги.
Ворожили мы вместе с Блоком,
Занимались высоким трудом.
Золотистый хранили локон
И ходили в публичный дом.
Разрывали с народом узы
И к народу шли в должники.
Надевали толстовские блузы,
Вслед за Горьким брели в босьяки.
Мы испробовали нагайки
Староверских казацких полков
И тюремные грызли пайки
У расчетливых большевиков.
Трепетали, завидя ромбы
И петлиц малиновый цвет,
От немецкой прятались бомбы,
На допросах твердили «нет».
Мы всё видели, так мы выжили,
Биты, стреляны, закалены,
Нашей родины злой и униженной
Злые дочери и сыны.

Анна Баркова, 1952 г.

Отдельный важный мотив в лирике узниц ГУЛАГа – это назначение поэтессы.

Простите, строгие эстеты,
Мои грехи. Я знаю всё.
Увы! Тематику поэта
Определяет бытиё.
...Пишу о жизни в рудниках,
О пайках, о бушлатах рваных,
О грубой власти кулака,
О жалком племени зэка.
Многомиллионно населенье
Немого лагерного дня.
Пишу о мертвом поколеньи,
О людях, смолкших навсегда.
Пишу во имя тех – кто живы,
Чтоб не стоять им свой черед

Толпой угрюмо-молчаливой
У темных лагерных ворот.
Команду помню: сесть, ложиться
среди дороги, в снег и грязь.
Собак, оберегавших нас,
и те начальственные лица,
чья тупость сытая страшна,
как и тюремная стена.
Но вам,
сидевшим по своим домам,
голосовавшим в светлых залах,
не позволяю я судить
меня, искавшую дороги,
рискуя многим... очень многим...

Елена Владимировна, неизвестно

Если б только хватило силы,
Если б в сердце огонь бурлил,
Я бы Бога еще просила,
Чтобы Он мне веку продлил.
Да не бабьего сладкого веку
И не старости без тревог,
А рабочему человеку
Чтоб Он выжить во мне помог.
Потому – не в моей природе,
Не закончив, дело бросать:
Это – книга о русском народе,
Я должна ее дописать.

Елена Тагер, Колыма, 1946 г.

Мы расскажем, мы еще расскажем,
Мы возьмем и эту высоту,
Перед тем как мы в могилу ляжем,
Обо всем, что совершилось тут.
И черный струп воспоминанья
С души без боли упадет,
И самой немоты названье,
Ликуя, рот произнесет.

Лидия Чуковская, 1944 г.

Они в огне ее сожгли,
Мою мечтательную лиру,
Но пели красные угли,
Вещая свет и мудрость миру.
И их засыпали землей,
Сухой, холодной, онемелой...
Но лира пела под землей –
И все кругом зазеленело.
И землю залили водой,
Вода бурлила и кипела,
Валы вставали чередой,
А лира пела, пела, пела...

Елена Тагер, Северный Казахстан, 1952 г.

Она молчит полузадушенно,
Молчит, но помнит все и ждет,
И в час, когда огни потушены,
Она тихонько подойдет,
Согнет и голову, и плечи мне,
И ненавидя, и любя,
И мне же, мною искалечена,
Мстит за меня и за себя.

Анна Баркова, 50-е годы

Маленькая, немощная лира.
Вроде блюдца или скалки, что ли.
И на ней сыграть печали мира!
Голосом ее кричать от боли.
Неприметный голос, неказистый,
Еле слышный, сброшенный со счета.
Ну и что же! Был бы только чистый.
Остальное не моя забота.

Лидия Чуковская, 1968 г.

Тишина. Рвет сгустившийся мрак
Лай далекий собак.
Не поют петухи.
Тихо ходят стихи,
Забираются в дом.
Пошептались с котом
И уселись в углу.
Вон сидят на полу,
Еле слышно звеня, –
Ожидают меня.

Нина Гаген-Торн, неизвестно

Не старость – нет! – а голос сердце гложет.
Застыла ночь в заплаканном окне...
Далекий друг, проснись на грустном ложе,
Далекий друг, подумай обо мне...
Прошли не годы – нет! – прошли эпохи.
Текли не воды – наша кровь текла.
И стихло все. И только ветра вздохи
И дробь дождя по холоду стекла!
Где сил найти, чтоб жизнь начать сначала?
Какие муки вновь перетерплю?
Далекий друг, проснись, чтоб сердце знало,
Что в эту ночь я не одна не сплю.

Елена Тагер, Саратов, 1955 г.

ПРАВДА, ОДНА ТОЛЬКО ПРАВДА

Вам, кто не пил горечь тех лет,
Наверное, понять невозможно:
Как же – стихи, а бумаги нет?
А если её не положено?
Кто-то клочок раздобыл, принёс,
И сразу в бараке волнение:
То ли стукач пишет донос,
То ли дурак – прошение.
Ночь – моё время. Стукнет отбой.
Стихли все понемногу.
Встану. Ботинки сорок второй,
Оба на левую ногу.
Встречу в ночной темноте надзор.
«Куда?» – «Начальник, в уборную!»
И бормочу, озираясь, как вор,
Строчки ищу стихотворные.
Что за поэт без пера, без чернил,
Конь без узды и стремени?
Я не хочу ни хулить, ни чернить,
Я – лишь свидетель времени.
Руку на сердце своё положив,
Под куполом неба, он чист и приволен,
Клянусь, что не будет в стихах моих лжи,
А правда. Одна только правда. И ничего
более.

Надежда Надеждина, неизвестно

В мире есть место, где люди стареют
Вдвое скорее, чем в жизни обычной.
Место, где юноши даже седеют
В лютой тоске по отчизне привычной.
Там не живут – «отбывают срока»,
Делают все как-нибудь, «на пока»;
Не умирают там, а «загибаются»,
Дети там лишь вне закона рождаются
И погибают один за другим.
Было то место когда-то святым,
Ныне УСЛОНОм оно управляется,
Лагерем громко оно называется,
Каторгой тихо клянут его люди.
Чем это место со временем будет?
Кто разгадает? Одно несомненно:
Будут сюда приезжать непременно
Из одного поколенья в другое,
Будет то место для многих родное
Горькою памятью прошлых страданий;
Свиток чудесных и жутких сказаний
Бережно будут разворачивать внуки...
Пусть же с другими не минет их руки
Также и этот правдивый рассказ:
Он хоть и плох, да зато без прикрас.

Ольга Второва-Яфа, неизвестно

Россия – кривые дороги,
Всегда не прямые пути,
Я изранила босые ноги
О немилые камни твои.

Эх, яблочко,
Да куда котишься?
Ко мне в руки попадешь,
Да не воротишься.

Я в просторах твоих задохнусь,
Непонятны твои пути,
О, святая великая Русь,
Отпусти!

Елена Ильзен-Грин, неизвестно

ГИМН ТРАВЕ

Я люблю траву
за то, что она зелёная.
Это роста
яростный цвет.
Если горе жжёт,
как железо калёное,
Я лицом
припадаю к траве.
Там
цветов приветливые улыбки,
Там
в зелёных ущельях тмина и мяты
Гениальный кузнечик
играет на скрипке
Просто так:
он не метит в лауреаты,
Пыль летит на траву
вплоть до самого листопада,
Днём коровы, жуя,
лежат.
Но прольются в полночь
росы водопады,
И опять трава
зелена и свежа.
Приминают траву
сапоги, колёса, копыта...
Но былинки молчат,
терпеливый народ.
Я люблю траву.
Пусть помятая, пусть побитая,
Пусть в пыли,
но трава встаёт.

Надежда Надеждина, неизвестно

О поэтессах-узницах

АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ ОЛЬГА (1902–1991)

Отбывала заключение по обвинению в контрреволюционной деятельности с 1936 по 1944 гг. в Соловках, на Колыме; с 1949 по 1954 гг. вечное поселение в Караганде.

Спокойное детство в Самаре. Потом революция, Московский университет. После окончания университета Ольга Львовна работала экономисткой, была увлечена своей работой. Вышла замуж за Юдея Закгейма, преподавателя университета. Родились сын и дочь.

В марте 1936 года мужа арестовали, в октябре он был расстрелян. В апреле арестовали и ее. Обвинение: подготовка покушения на Кагановича. Три года тюрьмы – в Москве, на Соловках, в Казани, в Суздале; потом – Колыма. Выдержала. В 1944 году освободилась, приехала в 1946-м в Москву. Оставила детей шести и четырех лет, когда вернулась – им было шестнадцать и четырнадцать. Три года в Москве без прописки под страхом ареста. Дети окончили школу с золотыми медалями, но их не приняли ни в университет, ни в педагогический институт. Приютил Менделеевский институт – прибежище многих им подобных. В 1949 году – снова арест, Бутырки, ссылка навечно в Караганду. Вечность ссылки окончилась в 1955-м. В 1956-м реабилитированы и муж, и она, и Николай Васильевич Адамов – второй муж. С этих пор Ольга Львовна жила в любимой семье – редкое счастье для людей её судьбы.

Стихи Ольги Львовны написаны в тюрьмах, на этапах и в лагерях. *«Эти стихи не предназначались для публикации. Я слагала их потому, что записывать было нельзя. А хотелось запомнить, унести в будущую жизнь (а вдруг она будет!). Она наступила. Может быть, кому-нибудь будет интересно прочесть их как дневниковые записи, как свидетельские показания бесконечно долгих лет заточенья, бесправия».*

АНУФРИЕВА НАТАЛИЯ (1905–1990)

В 1936 г. по доносу актёра Вахтанговского театра Николая Стефановича, человека, которому Ануфриева вполне доверяла, не зная, что он был осведомителем НКВД, была арестована. Следствие инкриминировало ей антисоветские высказывания, хранящиеся у неё в архиве стихи Максимилиана Волошина, а также поэтический цикл из четырёх стихотворений, посвященных Колчаку, который

она читала Стефановичу. По тому же делу забрали и поэта и переводчика Даниила Жуковского, сына поэтессы А. Герцык. В итоге Даниила Жуковского приговорили к расстрелу, её – к 8 годам каторги. Вначале её гоняли по тюрьмам: Москва, Ярославль, Горький, Суздаль. С 38 года – район Магадана. В лагере, как Наталья писала позже в своих мемуарах, началась её «вторая жизнь», отмеченная обретением Бога и обращением к жанру «духовной поэзии». Но стихи ей приходилось выучивать наизусть.

В 1947 году Ануфриева возвращается в разорённую войною Феодосию. Здесь, в Феодосии, её мать умоляла дочь умереть вместе, так как это было легче, чем умирать от голода. По карточкам выдавали мизерное количество хлеба, работу Наталия Даниловна нашла не сразу. В 1948 году по всей стране начинается кампания повторных арестов выпущенных из лагерей бывших эков, не стала исключением и Ануфриева. Но для поэтессы дело ограничилось ссылкой – сначала в Казахстан, в город Актюбинск, а позже в Красноярский край. Во время ссылки она восстанавливает свои старые стихи (в основном сочинённые в ГУЛАГе), пишет довольно много новых. Год окончания ссылки 1954.

БАБИНА БЕРТА (1886–1983)

В 1922 году в числе многих других эсеров Бабина с мужем были арестованы и после Бутырской тюрьмы, следствия и суда высланы. Во второй половине 20-х годов, вернувшись в Москву, Берта Александровна, прекрасно владевшая европейскими языками, стала переводить материалы для Коминтерна. Вновь арестована она была в 1937 году. В 1951 году в третий раз арестована и выслана на спецпоселение в Казахстан. На Колыме на разных работах провела 17 лет. После освобождения в 1954 году жила в Ухте вплоть до 1958 года, когда смогла вернуться в Москву. Реабилитирована, восстановлена в Союзе писателей. Однако ряд рукописей, изъятых при арестах, до настоящего времени не обнаружен.

Родилась в семье инженера, окончила гимназию в Петербурге, училась на Высших женских курсах. В 21 год стала членом партии эсеров, занималась пропагандистской работой, исполняла роль «невесты» одного из матросов «Потемкина», заключенного в Петропавловской крепости, носила ему передачи, писала письма. Вышла она замуж за эсера В. М. Головина, уехала с ним в Италию. После его ранней смерти вернулась с сыном Всеволодом (погиб на фронте в 42-м) в Россию.

В 1913 году она стала женой активного деятеля партии Б. В. Бабина (партийная кличка Корень), с которым и прошла через все последующие испытания. Он погиб на Колыме в 1945 году.

«Это была жизнь, – писала Берта Александровна, – со всем её счастьем и со всей горечью, с ошибками и достижениями, с трудными испытаниями и частыми расставаниями. И она, эта жизнь, длилась почти четверть века, пока не была оборвана руками тех, кто когда-то также считали себя носителями нашей общей великой мечты, а потом убили её живую душу и погибли от рук и своих и наших палачей».

Слова, сказанные ею перед смертью, удивили сестру милосердия, пытавшуюся помешать больной подняться с постели.

– Конвой ждёт, – сказала она.

БАРКОВА АННА (1901–1976)

Отбывала заключение с 1934 по 1939, с 1947 по 1956, с 1957 по 1965

Родилась в семье сторожа гимназии в Иванове-Вознесенске. Закончила гимназию. 1922 год – издан поэтический сборник «Женщина». 1934 год – первый арест, пять лет лагерей. 1947 год – второй арест, девять лет лагерей. 1957 год – третий арест, восемь лет лагерей. Умерла в Москве.

БЕЛОРУСКА ЛЕСЯ

О Лесе Белоруске не слышал почти никто. Хотя в «Крутом маршруте» Евгения Гинзбург сравнивает эту поэтессу с самой Ахматовой. Но в лагере Эльген, что по-якутски значит «мертвый», в котором сидела Евгения Гинзбург, стихотворения Леси Белоруски расходились под псевдонимом Эриния. Некоторые из них стали песнями. Мелодии поэтесса придумывала сама. Ну, сравнения с Ахматовой сгинувшая совсем молодой в холодном пекле Колымы Лесья Белоруска, по моему, все-таки не выдерживает. А вот рядом с Анной Барковой, тоже узницей сталинских лагерей, я бы ее поставил. Причем на книжную полку. Но, к сожалению, такой возможности пока нет. Стихи Леси Белоруски только-только начала переводить на русский воронежская поэтесса Галина Умывакина. А на белорусском они изданы лишь в прошлом году – в Минске, в сборнике «Жаныча. Планета. Будучыня». В послесловии к публикации стихов Леси на родном языке говорится: «Несколько десятков ее стихотворений... уцелели в памяти ее подруг и дошли до нас... Стихи Эринии были открытым вызовом системе насилия, тем большим, что «кремлевский орел» представлялся поэтессе кровожадным, беспощадным и никчемным пожирателем жизни... Поэтесса понимала, что ее стихи – правдивые исторические документы, свидетельства на суде времени». Кроме нескольких десятков стихотворений-свидетельств, написанных в ГУЛАГе, и двух псевдонимов, до нас дошло подлинное имя Леси-Эринии: Лариса Петровна Морозова (по мужу). Ее девичья фамилия пока неизвестна. Фотографии не сохранились. Еще – можно понять по стихам, что у нее остались дети. Вот и все, что нам удалось узнать о замечательном поэте - жертве тотального государственного террора.

ГОЛЬДОВСКАЯ ВИКТОРИЯ (1912–1974)

В конце 1949 года арестована по ложному обвинению и осуждена сроком на 7 лет. Заключение отбывала в Тенькинском районе, а в 1956 году была реабилитирована.

В 1930 году поступила в вечерний Ленинградский институт журналистики, но ушла со второго курса. Работала библиотекарем, прядильщицей на одной из фабрик. Училась в Ленинградском горном институте, который окончила в 1936 году. По распределению уехала на Урал, работала технологом обогатительной фабрики треста «Союзасбест». Через год вернулась в Ленинград, около семи лет трудилась на Петергофском часовом заводе. Вместе с заводом в начале Великой Отечественной войны эвакуировалась в г. Кусу Челябинской области. Была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Здесь на Урале состоялся литературный дебют В.Ю. Гольдовской – в сборнике «Огонь по врагу» (Челябинск, 1944) опубликовано ее стихотворение «Письмо». В декабре 1946 года приехала в Магадан. Работала инженером-проектировщиком в институте «Дальстройпроект», редактором в радиокомитете Политуправления Дальстроя.

После освобождения работала в литературной редакции Магаданского радио. В соавторстве с мужем, журналистом Г.А. Большаковым, писала очерки о передовиках горнодобывающих предприятий Магаданской области, документальную повесть «Мяжит – река капризная» о работе колымского прииска «Горный». Первая авторская книга Виктории Юльевны «Три колымских рассказа» вышла в Магаданском книжном издательстве в 1969 году. Рассказы В.Ю. Гольдовской печатались в альманахе «На Севере Дальнем», журнале «Дальний Восток».

ВЕЙНБЕРГ МАРИЯ (1910–2003)

Арестована в 1933 году. Не подписала ни один протокол обвинений и была освобождена условно. Во время войны работала в блокадном Ленинграде в химической защите города. В 1942 году была вывезена из города и выслана в Салехард. Её брат был репрессирован и погиб в 1937 году, отец умер от голода в блокадном Ленинграде. После войны она приехала в Москву к родственникам, фиктивно вышла замуж, чтобы сменить фамилию и скрыться от преследований. Мария Моисеевна написала диссертацию, но защитить её ей не дали. Одновременно она преподавала в институте усовершенствования учителей. Многие её ученики стали кандидатами и докторами наук.

ВЛАДИМИРОВА ЕЛЕНА (1902–1962)

В 1937 году арестована как жена «врага народа». Пробыла в заключении более 18 лет. Родилась в Петербурге в дворянской семье потомственных военных моряков (по матери является потомком адмирала Г. И. Бутакова). Воспитывалась в Смольном институте благородных девиц. В 1917 году, после Октябрьской революции, порвала с семьёй по идейным убеждениям, ушла из дома. В 1919 году вступила в комсомол и уехала в Туркестан воевать с басмачами, участвовала в организации помощи голодающим Поволжья. В 1921 году вернулась в Петроград и поступила учиться на факультет журналистики Петроградского университета. Там она познакомилась с Л. Н. Сыркиным, одним из организаторов петроградского комсомола, и вышла за него замуж. Владимирова работала в «Красной газете», «Ленинградской правде», журнале «Работница».

15 августа 1937 года Сыркин и Владимирова были арестованы. Сыркин был расстрелян, а Владимирова выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР была приговорена к 10 годам заключения и 5 годам поражения в правах. Владимирова была направлена в Севвостлаг, работала в пошивочной мастерской, на рыбных промыслах, в лагерной больнице.

Единственная дочь Женя погибла на фронте под Сталинградом.

В лагере на Колыме Елена Львовна вошла в подпольную группу. В 1944 г. за участие в организации группы из партийцев и комсомольцев и за создание программного документ группы: «Сталинский «социализм» в свете ленинизма» (борьба со сталинщиной с позиций ленинизма) была приговорена к расстрелу, заменённому 15 годами каторги.

После реабилитации жила в Ленинграде.

ВТОРОВА-ЯФА ОЛЬГА (1876–1959)

Отбывала заключение с 1929 по 1931 гг. на Соловках (СЛОУ) на острове Анзер (на Белом море). Родилась в Санкт-Петербурге. Дочь купца, окончила Стоюнинскую гимназию и женские Бестужевские курсы. Преподавательская работа в школах, в Коммерческом училище, в военном

училище и др. Входила в ленинградский религиозно-философский кружок «Воскресение», просуществовавший с конца 1917 по конец 1928 года, разгром которого был одним из нашумевших политических дел.

Арестована по делу А.А. Мейера в ночь с 18 на 19 января 1929 г. Приговор – 3 года ИТЛ. Этапом в Кемь в столыпинских арестантских вагонах. Этап из Кеми – парходом на Соловки. С 1932 по 1934 гг. ссылка в Вологодской области.

После освобождения вернулась в Ленинград. Жила в блокадном Ленинграде до 1942 г. После окончания войны вернулась в Ленинград, писала мемуары на основании дневников, которые вела всю жизнь.

ГАГЕН-ТОРН НИНА (1900–1986)

Отбывала заключение за антисоветскую агитацию и пропаганду на Колыме с 1937 по 1942 гг.; повторный арест с 1947 по 1952 гг. в Темниковских лагерях Мордовии.

Родилась в Санкт-Петербурге в семье выдающегося хирурга, обрусевшего шведа, барона. Училась в гимназии М. Н. Стоюниной, затем в гимназии княгини Оболенской. Закончила аспирантуру Петербургского университета, занималась научной деятельностью. В университетские годы стала ученицей писателя Андрея Белого. Ученичество перешло в дружеские отношения, продолжавшиеся до самой смерти Белого.

Работала в экспедициях по Русскому Северу, Забайкалью, Поволжью, принимала участие в Средне-Волжской экспедиции. В 1931-1932 гг. Гаген-Торн преподавала географию, русский и остяцкий языки в Институте народов Севера. В 1936 году направлена в Поволжье для изучения происхождения бесермян и их культуры.

Первый раз была арестована 17 октября 1936 года. По сценарию следствия, «будучи контрреволюционно настроенной», совместно с директором МАЭ Маториным (к тому времени уже расстрелянным), призывала к «активной борьбе с ВКП, указывая на необходимость применения террористических актов против руководства и в первую очередь против И. В. Сталина».

В 1937 осуждена по статье 58-10/2 УК РСФСР и приговорена к 5 годам лагерей, заключение отбывала на Колыме (Севвостлаг, бухта Нагаева). После освобождения из лагеря в 1942 году находилась в ссылке в с. Чаши Чашинского сельсовета Чашинского района Курганской области, где была в ссылке её мать. Работала в сельской библиотеке, преподавала историю, литературу и географию в Чашинском химико-технологическом техникуме молочной промышленности.

В 1946 года защитила в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Элементы одежды народностей Поволжья как материал для этногенеза», доработав сохранившуюся у её подруги рукопись подготовленной в 1936 году диссертации.

30 декабря 1947 года арестована повторно и приговорена к 5 годам лагерей; отбывала заключение в Темниковских лагерях (Мордовская АССР). После заключения сослана в Красноярский край.

После реабилитации – продолжение научной работы, издание ряда трудов.

ГИНЗБУРГ ЕВГЕНИЯ (1904–1977)

В 1937 году, приговорена к тюремному заключению по статье 58, обвинена в участии в троцкистской террористической организации. Приговор: 10 лет тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества. В августе того же года как «отец и мать врага народа» были арестованы её родители. Провела 10 лет в тюрьмах (в том числе в Бутырках и Ярославском политизоляторе) и колымских лагерях (Эльген, Таскан), 8 лет в «бессрочной» ссылке.

С 1920 по 1922 год Евгения Гинзбург училась на факультете общественных наук в Казанском университете, после чего перевелась на 3-й курс общественного отделения Казанского Восточного педагогического института, который окончила в июне 1924 года (специальность история, в дальнейшем защитилась как кандидат исторических наук). Член ВКП(б) с 1932 года, работник образования в Казани (работала в пединституте), сотрудник областной газеты «Красная Татария» (зав. отделом культуры), корреспондент «Литературной газеты». Вспоминала: «1935 год был для меня ужасен. Нервы готовы были сдать. Преследовала настойчивая мысль о самоубийстве».

Добившись полной реабилитации, Гинзбург почти 10 лет провела во Львове. Во Львове же Гинзбург создала и альтернативный вариант «Крутого маршрута», отличавшийся куда более резкой и последовательной антисталинской риторикой. По некоторым сведениям, он назывался «Под сенью Люциферова крыла». Но в 1965 году, опасаясь нового ареста и ссылки в связи с усилившимися преследованиями украинских диссидентов, Гинзбург уничтожила эту рукопись и все её черновики.

ГЕНИЮШ ЛАРИСА (1910–1983)

Отбывала заключение в лагерях Инта и Абезь (Коми АССР), а также в Мордовии с 1949 по 1956 гг. Беларуская поэтесса, писательница и активистка. Училась в польской школе, в 1928 году закончила Волковысскую польскую гимназию. В 1937 году, после рождения сына Юрия, переехала к мужу в Прагу. Свои первые стихи поэтесса опубликовала в 1939 году в берлинской газете белорусских эмигрантов-националистов «Раніца». В 1942 году увидел свет первый сборник её поэзии «Ад родных ніў», наполненный ностальгией и размышлениями о судьбе покинутой ей Родины.

Когда Красная армия в 1939 году вступила на территорию Западной Беларуси, отец Ларисы Антон Миклашевич был расстрелян, а мать и две сестры сосланы в Казахстан. В марте 1943 года, согласно завещанию президента Белорусской Народной Республики Василя Захарко, Лариса Гениюш назначается генеральным секретарём Правительства БНР в эмиграции. Она сохраняет и упорядочивает архив БНР, помогает белорусским эмигрантам, политическим беженцам и военнопленным. Наиболее ценную часть архива она отправила в недоступное для органов НКВД и МГБ место. Позже советские правоохранительные органы будут допрашивать поэтессу, чтобы получить сведения об этом архиве.

Некоторые историки считают, что 27 июня 1941 года Лариса Гениюш подписала обращение «Белорусов протектората Чехии и Моравии» к Адольфу Гитлеру, начинавшееся словами:

Видя, что Великий Вождь Немецкого Народа Адольф Гитлер повёл свою непобедимую немецкую армию на Восток Европы ради борьбы и полного уничтожения большевизма, большевиков-коммунистов и евреев, которые уже более 20 лет угнетают и уничтожают наш белорусский народ...

Сама поэтесса настаивала, что подпись была сфальсифицирована.

В своих лагерных воспоминаниях она писала: *Мы как люди без гражданства (в оккупированной фашистами Чехии — прим. перев.) должны были быть зарегистрированы где-то, и какая разница — в русской «фертрафенишел» или в Белорусском комитете? Все иностранцы, начиная с евреев, были у немцев под особо строгим надзором, а я как поэт в особенности. Я ничего не скрывала, поскольку вина моя состояла только в участии в Комитете самопомощи в Праге, где я была казначеем. От этого я не отказывалась, но Коган (следователь) показал мне однажды архив Комитета, который ещё в 1942 году «исчез» из квартиры Ермаченко (Юлиан Ермаченко — руководитель белорусской Самопомощи в Праге). Тут я поразилась! Телеграмму никто из белорусов не подписал, но на бланке, под её текстом, были аккуратно, под копиру выведены подписи всех белорусов, которые были и не были на том собрании! Мне стало до отвращения гадко. Такое государство, которое держится на лжи, на обмане, на поддельных документах, гадко! В час наипугающей опасности, опутанные нацистской хитростью, люди всё же отважились не подписать той телеграммы, а тут «подписывают» за них через копиру, аннулируя все человеческое, сохранившееся в людях в тяжёлое время. Нет, это хуже, подлея самого низкого... Мне припомнился Вольфсон, старый еврей, который вместе с семьёй спасался в этом маленьком Комитете и также был на том собрании, как каждый, поскольку все мы получили приглашения. Что он сказал бы, если бы увидел такую свою поддельную подпись под той телеграммой!*

После освобождения Чехословакии от немецкой оккупации, Лариса с мужем и сыном живёт под Прагой, в городке Вимперк. 5 марта 1948 года органы МГБ арестовывают Ларису и Ивана. Оба находятся в тюрьмах Чехословакии, Львова, с октября 1948 года в тюрьме в Минске. Здесь Ларису допрашивает сам министр госбезопасности БССР Лаврентий Цанава. 7 февраля 1949 года Ларису и Ивана Гениюшей приговаривают к 25 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Комиссия Президиума Верховного Совета СССР от 30.05.1956 г. обвинение признала обоснованным, но срок наказания был уменьшен до 8 лет.

Супруги Гениюш выходят на свободу в 1956 году. После освобождения Лариса поселилась на родине мужа в посёлке Зельва Гродненской области. Всю оставшуюся жизнь Гениюши отказывались принять советское гражданство. 27 лет зельвенской жизни поэтессы прошли под надзором КГБ. Ивану Гениюшу разрешили подрабатывать в районной поликлинике. В 1979 году, после смерти мужа, Ларисе назначили небольшую пенсию. Поэтессе также не разрешали поехать к сыну, который жил в оказавшемся по другую сторону советско-польской границы Белостоке сиротой при живых родителях. Почти десять лет после освобождения творчество поэтессы не было известно широкой аудитории. Впервые её послелагерные стихи попали на страницы белорусских журналов в 1963 году. Только в 1967 году, благодаря тогдашнему председателю Верховного Совета БССР Максиму Танку, был издан первый в БССР сборник произведений Ларисы Гениюш «Невадам з Нёмана», который на общественных началах отредактировал Владимир Короткевич (автор предисловия — Юлиан Пширков). В данный сборник вошло большинство стихов из сборника «Ад родных ніў» с рядом цензурных купюр, а также стихи «зельвенского» периода.

ИЛЬЗЕН-ГРИН ЕЛЕНА (1919–1991)

Отбывала заключение с 1947 по 1956 гг. в Воркуте.

Близкие звали ее Алей, Аленой Ильзен, а в русскую поэзию она вошла как Елена Алексеевна Ильзен-Грин. Вошла уже после своей смерти, в 1991 году, и та тоненькая книжка издательства «Возвращение» почти не была замечена.

Родилась в Киеве. Отец – доктор философских наук, мать – бестужевка. Оба арестованы в 1937 году, отец расстрелян. В связи с арестом родителей Елена Алексеевна была исключена из института, работала на Трехгорке, некоторое время училась в Литинституте. Елена в 1947 г. уехала на Чукотку, а когда вернулась хлопотать за арестованную младшую сестру, её тоже арестовали.

Ей запомнилась бредовая и безграмотная формулировка приговора: «За попытку намерения измены Родины». Впоследствии она говаривала с усмешкой: «Ничего не имею против этого родительного падежа: *измены Родины*. Так ведь и есть – родина мне изменила! А вот *попытку намерения* они, полагаю, позаимствовали из приговора Чернышевскому».⁷¹

После реабилитации в 1956 г. жила в Москве, занималась переводами.

При жизни Елена Ильзен с неуёмной и целеустремлённой энергией помогала всем, кто нуждался в участии, – бывшим политзаключенным; гонимым, но сохранившимся в советское время толстовцам, бездомным собакам, каждую из спасенных называя одним-единственным именем Чара. «Поскольку мама всю жизнь была опорой всем своим близким, – вспоминает Наталья Ильзен, – после освобождения она не сразу вернулась в Москву: на Воркуте было проще зарабатывать деньги, кормить семью. Там ведь платили «северные надбавки». Работала она, кем придется, например, подавальщицей в ресторане – меня подкармливала. Там же она заканчивала учёбу в Сыктывкарском педагогическом институте: иметь диплом в те времена было очень важно. На Воркуте, когда знакомились, был первый вопрос: «Вы приехали (значит, вольнонаемные работники) или вас привезли (то есть бывшие каторжане)?» Но из тех и других собралась очень веселая компания».⁷²

КОРИБУТ-ДАШКЕВИЧ ЕЛЕНА (1923–2023)

По обвинению в измене Родине осуждена на 15 лет каторжных лагерей, отбывала заключение с 1943 по 1953 гг.

Родилась в г. Киеве, в 1927 – переезд семьи в Донбасс в связи с запретом на проживание в центральных городах. В 1937 – арест отца (расстрелян), в 1938 – арест матери (освобождение через полтора года). В июнь 1943 устроилась на работу на биржу труда для снабжения поддельными документами раненых бойцов, скрывавшихся у местных жителей, для спасения их от расстрела.

В 1943 арестована, обвинение в измене Родине, выразившемся в работе у немцев на бирже труда. Приговор Военного трибунала войск НКВД: 15 лет каторжных лагерей с последующей пожизненной ссылкой на поселение. Отправка этапом в «телячьих вагонах» в Воркуту. Пересыльные тюрьмы в Москве, Горьком, Котласе. Работала откатчицей на подземных работах в шахте, во время эпидемии тифа работала медицинской сестрой в тифозных бараках, затем

⁷¹ Васюченко И. Елена Ильзен, 2020.

⁷² Там же.

медсестрой-воспитателем в спецбараке для детей. В 1951 после ходатайства матери о пересмотре дела решением Военной коллегии Верховного суда СССР срок заключения уменьшен до 10 лет, переведена в ИТЛ вместо каторжных работ. 18 ноября 1953 освобождена из лагеря, жила в ссылке на поселении в Воркуте. В 1955 освобождение от ссылки со снятием судимости, 29 июля 1960 полная реабилитация и переезд семьи в Москву. Доктор технических наук.

ЛЕЩЕНКО-СУХОМЛИНА ТАТЬЯНА (1903–1998)

Отбывала заключение с 1947 по 1954 гг.

Родилась в Чернигове вместе с братом-близнецом Юрием в дворянской семье Лещенко. Отец – Иван Васильевич учёный-агроном, мать – Елизавета Николаевна, пианистка. Детство и юность прошли на Северном Кавказе. Юная Татьяна Лещенко поначалу училась в Пятигорской гимназии, затем окончила Екатерининский институт благородных девиц.

В 1923 году вышла замуж за гражданина США, уехала в Америку, где закончила Колумбийский университет (отделение журналистики), вступила в американскую гильдию актёров. Познакомилась с русским скульптором Дмитрием Цаплиным; развелась с американским мужем и стала женой Цаплина, в 1931 году родив в Париже дочь Алёну (Веру Цаплину). Двенадцать лет жила во Франции и Испании. В 1935 году вернулась в Россию.

Арестована в 1947 году, приговорена к 8 годам лагерей по обвинению в антисоветской агитации. Её отправили в Воркуту, где как актриса она попала в Воркутинский лагерный театр. Но весной 1952 года Татьяну Ивановну перевели в лагерь-совхоз «Горняк» на должность ассенизатора. Однако уже в 1953 году она получила инвалидность по болезни и этапировалась вместе с другими инвалидами по пересыльным тюрьмам. Освобождена в 1954 году. Последующие годы занималась концертной и литературной деятельностью (из переводов наиболее известны романы Жоржа Сименона «Президент» и Уилки Коллинза «Женщина в белом»), издано два тома воспоминаний «Долгое будущее».

НАДЕЖДИНА НАДЕЖДА (1905–1992)

Отбывала заключение с 1950 по 1956 гг. в Потьме.

Родилась в Могилеве в семье учителя гимназии. Закончила Московский университет. Писательница, автор прозаических книг для детей.

После реабилитации жила в Москве, занималась литературной деятельностью. Латышка по отцу, русская по матери. Как многие студенты-комсомольцы двадцатых годов, бредившая мировой революцией, поддерживала левую оппозицию Троцкого и Зиновьева. Ей припомнили это 23 года спустя, в 1950 году, когда она была арестована как «троцкистка», и на шесть лет она оказалась в мордовских лагерях (Потьма). Там она вернулась к поэзии, тайно создав цикл "Стихи без бумаги", опубликованный только в 1990 году в антологии поэтов-узников ГУЛАГа «Средь других имен» (М., Московский рабочий, 1990).

ПАНЫШЕВА ЮЛИЯ (1912–2009)

Родилась в 1912 году. Окончила филологический факультет Ленинградского университета.

Арестована в 1950 году, почти три года была в тюремном заключении: сначала и одиночной камере Лефортова, потом – на Лубянке.

Освобождена в марте 1953 года. Умерла в 2009 в Москве.

САГАЛОВИЧ НИНА (1901–1993)

Нину Сагалович, жену Льва Сагаловича, арестовали как члена семьи изменника родины в феврале 1938 года (впервые за ней приходили в декабре 1937 года, но сотрудники НКВД не застали ее дома) и приговорили к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

13-летнего Юрия взяла под опеку бабушка. Два года о Нине Сагалович ничего не было известно, пока не пришло письмо из Потьмы. Затем Нину Моисеевну перевели в лагерь Талага, в 12 километрах от Архангельска, где она работала на разных работах, в том числе и в сапожной мастерской, подшивая солдатские валенки. Из лагеря вышла в 1946 году и до 1948 года жила в Архангельске, работала корректором в издательстве, затем переехала в Александров, где работала в артели по росписи тканей.

В 1955 году была реабилитирована, а сам Лев Иосифович Сагалович был реабилитирован через год, в 1956-м. Позже сын Юрий запишет со слов матери стихи, которые она сочиняла и заучивала наизусть в лагере, и после ее смерти издаст книгу.

СОЛУНОВА СОФЬЯ (1903–2000)

Отбывала заключение с 1937 по 1946 гг. в АЛЖИРе (Акмолинском лагере жен изменников Родины). Училась в гимназии, поступила на этимолого-лингвистический факультет Петроградского университета. Печататься начала буквально одновременно с петроградским переворотом (погромом винных подвалов Зимнего Дворца, позже поименованным как «Великая Октябрьская социалистическая революция»). Подружилась с Ольгой Берггольц, вышла замуж (муж, Яков Польш, расстрелян в 1938 году).

Арестована в ноябре 1937 года. Приговор: 8 лет ИТЛ. Отбывание срока в районе Караганды, Казахская ССР. Работа на жатве камыша, вышивальной фабрике, ветсанитаром, чабаном; отбыв

срок, разумно осталась работать в лагере в качестве вольнонаемной. Однако в 1946 году была освобождена.

В 1954 году Солунова получила диплом с отличием о высшем образовании и вернулась в Ленинград, в 1956 была реабилитирована. Преподавала в школе французский язык, наконец – вышла на пенсию, всерьез занялась поэзией и поэтическим переводом (ее архив по сей день находится у дочери и едва разобран).

ТАГЕР ЕЛЕНА (1895–1964)

Родилась в Петербурге в семье железнодорожного служащего, училась в университете. В голодном 1921 году, живя в Поволжье, служила переводчицей в АРА (Американская администрация помощи), за что в 1923 году была выслана в Архангельск, работала в лесхозе экономистом.

«Сто лет назад в Советской России ещё не было придумано понятие «иностранный агент», но за связь с американцами уже сажали. 14 марта 1922 года поэта Елену Тагер отправили в архангельскую ссылку, обвинив в «экономическом шпионаже». Затем была Колыма, затем ещё один срок. В общей сложности – более десяти лет, вычеркнутых из жизни, но не из поэзии».

В 1928 году вернулась в Ленинград, занялась литературной работой (изданы две книги – «Зимний берег» и «Ревизоры»). Сотрудничала в журналах. В 1938 году арестована вторично – 10 лет Колымы. После освобождения («минус центры») жила в Бийске. В 1951 году – третий арест, высылка в Северный Казахстан.

После реабилитации жила в Ленинграде.

ТЕРЕНТЬЕВА-КАТАЕВА МАРИЯ (1906–1996)

Училась в Литературном (Брюсовском) институте. Была репрессирована по статье «член семьи изменника Родины». Испытала ужасы Бутырской тюрьмы и Темниковских лагерей в Мордовии (1938-1946). Первый год отбывала срок с грудным ребенком на руках. После освобождения жила в Магнитогорске. Затем, получив разрешение, вернулась в Москву в 1953 г. Автор книг: «Испытания» (1965), «Моя рябина зимняя» (1976), «Броды-переходы» (1989).

ЦВЕТАЕВА АНАСТАСИЯ 1894–1993

Отбывала заключение по обвинению в причастности к якобы существовавшему «Ордену Розенкрейцеров» с 1937 по 1947 гг. в Байкало-Амурском исправительно-трудовом лагере БАМлаг, Амурская область; третий арест – в 1949 по 1954 гг. на вечном поселении в Сибири.

Родилась в Москве, дочь профессора И. В. Цветаева, основателя Музея изящных искусств, сестра Марины Цветаевой. Впервые арестована в 1933 году, вскоре освобождена благодаря заступничеству М. Горького. В 1937 году второй арест – 10 лет лагерей. При аресте изъяты и безвозвратно погибли рукописи всего, до того времени созданного: два романа, повести, переводы. В лагере работала полomoйкой, кубовщицей, на кирпичном заводе, в сметно-проектном бюро, чертежницей. Нарисовала «на заказ» около 900 портретов женщин-заклученных, писала стихи. В лагере удалось написать и передать на волю роман «АМОК» (опубликован в 1990 году).

После освобождения в 1947 году поселилась в поселке Печаткино Вологодской области, где к тому времени жил с семьёй и работал сын Андрей. 17 марта 1949 года она была вновь арестована и постановлением ОСО при МГБ СССР от 1 июня 1949 года Анастасия Ивановна была приговорена к ссылке в посёлок Пихтовка Новосибирской области. Была освобождена из ссылки в августе 1954 года, но до 1956 года продолжала жить в Пихтовке, занимаясь преподаванием немецкого, а затем переехала к сыну в город Салават в Башкирии (сын в 1951 году также был арестован и приговорён к двум с половиной годам лишения свободы «за превышение власти» при выполнении плана деревообделочной фабрики на Урале). Годы, проведенные в селе Пихтовке, описаны в повести «Моя Сибирь».

В 1957 году переехала в Павлодар к сыну, который искал работу в местах, разрешённых для прописки матери, где прожила 2 года до реабилитации. Вплоть до 1972 г. Цветаева регулярно приезжала к сыну в Павлодар, где начала писать книгу «Воспоминания», принёсшую ей широкую известность в среде интеллигенции.

ЧЕРКАШИНА КЛАВДИЯ

Из автобиографии: *Я родилась в 1925 году в Белоруссии, в семье кустика-сапожника, в недавнем прошлом – крестьянина. Родители были малограмотны. Во время оккупации отец, обвиненный в связях с партизанами, убит немцами. Меня угнали на работу в Германию. В Штутгарте я работала подсобницей на кухне, где готовили еду для лагерей военнопленных. Я тосковала по Родине, писала стихи, пела их на мелодии советских песен, за что угодила в гестапо, а оттуда – в концлагерь Равенсбрюк (мой № Р 83981). В 1949 году на следствии в Минской тюрьме мне предъявили обвинение в сотрудничестве с немцами. Судил меня трибунал МГБ СССР, приговорил к 10 годам. Срок отбывала в Норильске, освобождена в 1954 году. Работала в Норильском драмтеатре и в горно Норильска. В 1976 году вышла на пенсию, живу в Тульской области.*

ЧУКОВСКАЯ ЛИДИЯ (1907–1996)

В 1926 г., по обвинению в составлении антисоветской листовки ссылка в Саратовскую область. Родилась в 1907 году в семье писателя Корнея Чуковского. Совсем юной девушкой в 1925 году попала в тюрьму на Шпалерной, затем – в ссылку. Считая себя невиновной, отказалась подавать прошение о помиловании. Вернувшись в Ленинград, поступила литературным редактором в издательство Детгиз. В 1937 году книжную редакцию Детгиза подвергли разгрому. Среди арестованных оказался сотрудничавший с редакцией муж Чуковской, известный физик М. Бронштейн. В длинных очередях к воротам тюрьмы родилась дружба Ахматовой (у нее был арестован сын) и Чуковской, которой НКВД долго не сообщал о гибели мужа. Все это побудило Лидию Корнеевну написать повесть «Софья Петровна» (1939-1940), посвященную трагической эпохе 1930-х. В 1940-е годы переехала в Москву, поселилась у отца. В конце 1950-х годов, в период «оттепели», публикует две книги – о «Былом и думах» Герцена и «В лаборатории редактора». Но ни «Софья Петровна», ни другая повесть – «Спуск под воду» (1957) к этому времени еще не были напечатаны. Впоследствии они вышли на Западе. В 50-70-е годы Чуковская раскрывается как талантливый публицист и авторитетный общественный деятель, выступает в защиту И. Бродского, пишет статьи – «Письмо к Шолохову», «Не казнь, но мысль. Но слово», «Гнев народа», которые распространялись в самиздате, их передавали зарубежные радиостанции. За статью «Гнев народа» Чуковскую исключили из Союза писателей.

Наибольшую известность принесли Лидии Корнеевне ее «Записки об Анне Ахматовой». В них – Ахматова со своим складом ума, гордой осанкой, завораживающей речью. В 1994 году «Записки об Анне Ахматовой» были удостоены Государственной премии России.

Замечателен и очерк «Предсмертие» – о встрече с Цветаевой в Чистополе за несколько дней до гибели поэта.

Почти 15 лет Лидия Корнеевна писала книгу «Прочерк» – о расстрелянном муже. Книга опубликована посмертно в 2001 г.

ШИЛОВА СВЕТЛАНА (1929–1992)

Отбывала заключение с 1950 по 1953 гг. в Потьме.

Родилась в Москве, художник-дизайнер.

В лагере была на общих работах. В заключении сочиняла песни – стихи и музыку, во второй половине 80-х – начале 90-х годов с большим успехом исполняла их публично, аккомпанируя себе на гитаре.

ШТУРМАН ДОРА (1923–2013)

Отбывала заключение за участие в подпольной антисоветской группировке, занятой контрреволюционной подрывной деятельностью» и за статьи о Пастернаке и Маяковском с 1944 по 1948 гг.

Израильский литературовед, политолог, публицист, историк литературы. Детство провела в городе Запорожье. В 1944 году арестована и признана виновной. Дора с двумя студентами, её друзьями, осуждены на 5 лет заключения по статье 58, 10-11 (групповая антисоветская агитация). Провела в лагере 4,5 года, а затем попала под амнистию матерей с грудными детьми. Как оказалось позже, амнистия не касалась политзаключённых, о чём сообщили через несколько дней, но начальник

лагеря воспользовался ошибкой в полученном приказе и поспешил освободить Штурман с грудной дочерью в самый короткий срок, за что она была благодарна ему всю жизнь.

Выйдя на свободу, Дора Штурман возвращается в Харьков, заявляет в милиции, что сумка с документами украдена, получает «чистый» паспорт и уезжает работать учителем в школе села Князево Харьковской области, Лозовского района. До 1962 года она работает преподавателем русского языка и литературы в сельских школах разных районов Харьковской области.

После хрущёвской «оттепели» она соглашается вступить в партию, куда её давно и активно приглашают. О судимости она не сообщает. В 1962 году в Харьковский КГБ приходит письмо из Алма-Аты о снятии судимости с Доры Штурман за полным отсутствием состава преступления. Харьковский КГБ разыскивает Д. Шток для того, чтобы сообщить ей о полной реабилитации, и с этой целью передает её дело в райком партии. Однако райком находит уместным исключить оправданного, не совершившего никакого преступления человека из партии «за сокрытие» уже снятой судимости. Через некоторое время ей предлагают подать апелляцию о восстановлении в партии, но в этот период Штурман была уже настроена так, что своё поступление в партию расценивала как ошибку, и решает не подавать апелляцию о восстановлении.

Все годы работы в селе Дора писала стихи, очерки, старалась восстановить свои работы, за которые была арестована. Всё написанное пряталось у друзей и родственников. Переехав в Харьков, Д. Штурман занялась исследованиями, связанными с марксизмом, экономикой, политикой в СССР. Свою первую книгу «Наш Новый мир» она опубликовала в самиздате под псевдонимом Богдан. В 1977 году Дора Штурман репатриировалась в Израиль.

ЭФРОН АРИАДНА (1912–1975)

С 1939 по 1948 гг. года по статье 58-6 (шпионаж) на 8 лет исправительно-трудовых лагерей; с 1949 по 1955 гг. в пожизненной ссылке в Туруханский район Красноярского края.

Переводчица прозы и поэзии, мемуарист, художница, искусствовед, поэтесса (оригинальные стихи, кроме написанных в детстве, при жизни не печатались). Детство провела в Чехословакии и Франции, откуда первой из семьи вернулась в СССР. В Париже окончила училище прикладного искусства «Arts et Publicité» (где изучала оформление книги, гравюру, литографию) и высшую Школу Лувра (L'École du Louvre) по специальности «история изобразительного искусства» (фр. L'histoire de l'art). Сотрудничала с французскими журналами «Россия сегодня» («Russie d'Aujourd'hui»), «Франция – СССР» («France – URSS» – magazine), «Для Вас» («Pour-Vous»), а также с журналом на русском языке «Наш Союз», издававшимся парижским «Союзом возвращенцев на Родину» (статьи, очерки, переводы, иллюстрации). Переводила на французский произведения Владимира Маяковского и других советских поэтов.

После возвращения в СССР работала в редакции советского журнала «Revue de Moscou» (на французском языке); писала статьи, очерки, репортажи, делала иллюстрации, переводила.

27 августа 1939 года была арестована органами НКВД и осуждена Особым совещанием по статье 58-6 (шпионаж) на 8 лет исправительно-трудовых лагерей; под пытками вынуждена была дать показания против отца. О гибели родителей в 1941 году (мать – Марина Цветаева – покончила с собой в эвакуации в Елабуге, отец расстрелян) узнала не сразу.

Весной 1943 года Ариадна Эфрон отказалась сотрудничать с оперотделом лагеря (статья «стукачкой»), и её перевели на лесоповал в штрафной лагпункт Севжелдорлага. Актрисе лагерного театра Тамаре Сланской удалось попросить у кого-то из вольных конверт и написать сожителю

Ариадны Самуилу Гуревичу: «Если Вы хотите сохранить Алю, постарайтесь выволить её с Севера». Как пишет Сланская, «довольно скоро ему удалось добиться её перевода в Мордовию, в Потьму», где находился пересыльный пункт – «Потьминские лагеря» ГУЛАГа.

После освобождения в 1948 году работала преподавателем графики в Художественном училище в Рязани.

Была вновь арестована 22 февраля 1949 года и приговорена – как ранее осуждённая – к пожизненной ссылке в Туруханский район Красноярского края. Благодаря полученной во Франции «кормящей» специальности работала в Туруханске в качестве художницы-оформителя районного дома культуры. Оставила серию акварельных зарисовок о жизни в ссылке, часть из которых впервые опубликована только в 1989 году. В 1955 году была реабилитирована за отсутствием состава преступления. Вернулась в Москву. Член Союза писателей СССР с 1962 года.

ЯРЦЕВА МАРИНА

Из известных мне биографических данных Марии Пантелеевны Ярцевой (Хиловой) могу лишь сообщить, что она, девчонкой, с семьей попала в Казахстан, в Карагандинскую область (поселок № 9), как раскулаченная из Саратовской губернии. К сожалению, я не смогу сразу сейчас же разыскать ее адрес. Живет она в Темиртау (я видела ее не позднее 2000 года), если не уехала и если здорова.